

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ В РОМАНАХ

Тимур
ЛИТОВЧЕНКО

Орли, сын Орлика

CF FOLIO

Тимур Литовченко
Орли, сын Орлика

«Фолио»

2010

Литовченко Т. І.

Орли, сын Орлика / Т. І. Литовченко — «Фолио», 2010

Имя гетмана Пилипа Орлика общеизвестно: сподвижник Ивана Мазепы, наследник его славы, автор «Пактов и конституций законов и вольностей Войска Запорожского»... Гораздо меньше современные украинцы знают о его сыне Григории Орлике, который был известным политическим и военным деятелем эпохи короля Людовика XV, выдающимся дипломатом и организатором разветвленной разведывательной сети, а также искренним приверженцем идеи восстановления казачьего государства на украинских просторах. В жизни Григора Орли (именно под этим именем гетманыч вошел в мировую историю) было множество опасных приключений, из которых он всегда выходил с честью. «Орли, сын Орлика» — роман из исторического «казачьего» цикла киевского писателя Тимура Литовченко, стал лауреатом Всеукраинского конкурса «Коронация слова — 2010».

© Литовченко Т. І., 2010

© Фолио, 2010

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Один – тоже воин!	6
Глава 2. Долги и любовь	20
Глава 3. Роза от Жанны	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тимур Литовченко

Орли, сын Орлика

*Родной Украине,
ее сыновьям и пасынкам
ПОСВЯЩАЮ*

Предисловие

8 марта 2007 г. от Р. Х., Украина, Киев

Перипетии последнего времени убедительно доказали, что как Советский Союз был государством с непредсказуемым прошлым, так и современная Украина до сих пор, после пятнадцати лет Независимости, не определилась со своим прошлым. Школьные и университетские учебники истории переписаны – но едва это произошло, как начали звучать недовольные голоса.

Одни возмущены сталкиванием вчерашних кумиров в грязь и скорым возведением на их место бывших «врагов нации», казалось бы, давно уже преданных анафеме.

Другие недовольны тем, что историческая правда восстановлена лишь частично (хорошо, если наполовину, а не меньше!).

Третьих отпугивает радикализм новейшей исторической школы и чрезмерная идеологизация науки.

Четвертых не устраивает «прилизывание» и «подкрашивание», превращение реальных исторических персонажей в подобие освященных икон – так как законы «иконотворчества» весьма быстро распространяются на современность.

Пятых...

Шестых...

Седьмых...

Хуже всего то, что в результате подобных баталий обычные украинцы не воспринимают собственную историю как живую и поучительную для себя. А что же это за народ, который не считает бесценным сокровищем богатейшее славное наследие, оставленное пращурами?! Именно тогда и начинаются поиски собственных корней... где-то по соседству.

Да, возможно, за границей оно-то и лучше – но ведь это чужое! Я далек от мысли, что один-единственный писатель что-то изменит одним-единственным романом. Тем более, в нетрадиционной для себя сфере. Но если не сделаю этого, потом всю жизнь себе не прощу, что упустил такой замечательный шанс: бросить собственные пять копеек в копилку, которую наполняли до меня и будут наполнять и в дальнейшем.

Я уже давно собираю «досье» на весьма интересную историческую персону: французского маршала лагеря и генерал-поручика Григора Орли. Ведь он не кто иной, как «посол казачьей нации» Григорий Орлик (1702–1759) – сын автора первой украинской Конституции, гетмана в изгнании Пилипа Орлика (1672–1742).

Глава 1. Один – тоже воин!

*Начало января 1759 г. от Р. Х.,
Франкфурт-на-Майне, ул. Олений Брод,
ставка военного губернатора французов графа
Теа де Тораса де Прованса*

Война – это война, а обед – это обед. Мудро сказано, честное слово! Ведь если солдат хорошо накормлен, ему и воевать легче...

Тем более, должно быть сытым армейское командование. Скорее даже наоборот: пусть лучше солдаты будут голодными (поскольку чем голоднее солдат, тем он злее), а вот если генеральские желудки поссыхались от голода, тогда войну можно считать целиком и полностью проигранной. Ведь как же планировать гениальные военные кампании на голодный желудок?!

Приблизительно такую теорию развивал в ожидании десерта принц Субиз; другие присутствующие снисходительно улыбались и кивали головами. А главнокомандующий маршал де Броли время от времени прерывал речь принца разными остротами. Короче, в столовой царило праздничное расположение духа. Оно и неудивительно: Рождество и Новый год французы встречали победителями, особых хлопот прусские вояки им пока что не доставляли... В общем, все хорошо!

Как вдруг обеденную идиллию нарушил шум из-за закрытых дверей.

– Что случилось, граф?..

Как и прежде, на устах де Броли сияла довольная улыбка, но в голосе маршала звенели нотки беспокойства: ведь они все-таки находятся на чужой, захваченной ими, земле...

Итак, все возможно.

– Не знаю, но... – только и сказал де Прованс. Честно говоря, ответ был несколько нелепым как для военного губернатора: ведь хозяин не только этого дома, но и всего Франкфурта просто обязан был знать!..

Левая бровь де Броли недовольно выгнулась, но в этот миг двери столовой отворились и на пороге вырос адъютант принца Камилла Лотарингского – усатый верзила, державший за шиворот прилично одетого худого десятилетнего мальчугана. Позади в коридоре громко визжали немка-хозяйка и ее служанка, в ответ им грозно басили французские солдаты. Понять, что происходит, в этом шуме было практически невозможно.

– Филипп! Черт возьми! Что еще за балаган?.. – поинтересовался удивленный принц Лотарингский, но адъютант, словно не замечая вопроса, заволок ребенка в комнату и толкнул так сильно, что несчастный пролетел от дверей до стола. Удовлетворенный содеянным солдафон браво рявкнул:

– Вот, ваша милость, в кухне поймали вшивца!!!

– В кухне? Поймали? Ну и что?.. – в один голос воскликнули оба принца и маршал. Крик в коридоре усилился, перекрывая его, адъютант рыкнул:

– Так точно, в кухне! В кастрюли заглядывал, мерзавец! Повар решил: а вдруг яду хочет подсыпать?! Поднял тревогу и!..

– Яду?! Да ты, небось, с ума сошел, болван!!! – возмутился де Броли. Но в этот момент тут подал голос еще один присутствующий:

– А почему бы, собственно, и нет?

– Граф, и вы тоже?! – изумился маршал. – Перед нами всего лишь мальчишка...

– А вы думаете, маршал, дети не могут любить и ненавидеть? Или не умеют воевать? Хотя...

Граф сделал паузу, а затем спокойно произнес:

– В коридоре, очевидно, его мать вместе со служанкой? А может, и господин советник...

– При чем здесь господин советник? – удивился принц Субиз.

– Разве вы не узнали мальчика? Это же старший сын господина советника. Его зовут Вольфгангом, если не ошибаюсь.

– Что за намеки, де Лазиски?!

Прищурился, принц Субиз внимательно вгляделся в собеседника. Может, маршал лагеря вздумал пошутить? Но нет, тот был абсолютно откровенен, так как уважал лицо королевской крови. А его слова – это не что иное, как констатация факта: да, мальчик является сыном господина советника...

Без каких-либо скрытых намеков на то, что благородный принц вовсе не обязан знать в лицо всех членов семьи домовладельца.

Что ж, предположим...

– Разрешите в конце концов войти его матери и служанке, иначе они едва ли успокоятся, – предложил между тем граф де Лазиски.

Де Прованс деликатно покашлял и приказал пропустить женщин, которых едва сдерживали солдаты. В столовую мигом ворвались две немки. Старуха (явно служанка) бросилась к перепуганному мальчику, младшая же, в умоляющей позе сложив на груди руки, затараторила что-то по-немецки.

– Что она там лопочет? – поморщился де Брольи, который плохо понимал этот резкий горланый язык, непривычный уху утонченного француза.

– Да, я тоже не очень-то понял, – честно сознался принц Субиз.

Принц Лотарингский собирался было ответить, но де Лазиски опередил его:

– Госпожа Катарина очень извиняется перед нами за поведение сына. Она потрясена случившимся и интересуется: что же натворил ее отпрыск?

– Так она тоже не знает?

– Да. А впрочем, попрошу доверить это дело мне. Я ее мигом успокою и выясню все, что нужно.

Французы сразу поняли замысел: немецкий язык графа де Лазиски был более чистым и изысканным, более совершенным, чем у самого принца Лотарингского. Это неизменно производило впечатление...

Де Брольи согласно кивнул.

Граф заговорил по-немецки тихо и спокойно. Сын и мать изумленно переглянулись.

– Видимо, их удивляет, что чистокровный немец делает в компании оккупантов! – тихо прошептал де Провансу довольный эффектом принц Лотарингский. Губернатор кивнул. Тем временем де Лазиски вопросительно взглянул на мальчика, похлопал его по плечу. Тот недоверчиво зыркнул на графа и пробормотал в ответ что-то несуразное.

– Иог-ган-н Вол-льф-ф-ган-нг?! – мать мальчика не удержалась от гневно-перепуганного вскрика, ее лицо и шея покрылись красными пятнами.

Служанка отшатнулась столь резко, что едва не упала.

Принц Лотарингский откровенно расхохотался.

А невозмутимый граф де Лазиски перевел специально для тех, кто плохо понимал немецкий:

– Мальчик говорит, что французов называют «жабоедами», потому он решил проверить, что именно готовят нам на обед. Говорит, что был очень разочарован, так как нам подавали не лягушек, а рыбу.

Теперь уже хохотали все: и маршал де Брольи, и принцы Субиз и Камилл Лотарингский, и граф Теа де Торас де Прованс, и адъютант Филипп, и двое солдат на пороге.

Серьезным оставался только граф де Лазиски, который под испуганными взглядами матери юного озорника и старой служанки продолжил разговаривать с мальчиком:

– Насколько я знаю, ты один из детей господина советника юстиции Иоганна Каспара Гёте, а зовут тебя Иоганном Вольфгангом?

– Да, герр генерал.

– Сейчас идет война, потому буду говорить с тобой, как со взрослым – так как в такое время скидку на юный возраст не делают. Понимаешь меня?

– Да, герр генерал.

– Итак, Иоганн Вольфганг Гёте, ты хотя бы понимаешь, какую глупость сотворил? Молчание.

– Иоганн Вольфганг, отвечай, когда тебя спрашивают. Тем более, когда спрашиваю я...

– Не понимаю, герр генерал.

– Ты прокрался в кухню и начал рыскать там, не так ли?

– Да, герр генерал.

– Тебя заметил наш повар и поднял шум – не так ли?

– Так.

– А почему именно, понимаешь?

– Не понимаю, герр генерал.

– Точно?

– Точно.

– Повар подумал, что ты хочешь отравить нашу пищу, чтобы таким образом уничтожить верхушку французского штаба.

– Герр генерал, я хотел лишь узнать...

– Не подают ли нам на обед лягушек?

– Да, герр генерал!

– Иоганн Вольфганг, сейчас идет война, а это вовсе не игра.

– Но ведь, герр генерал...

– Иоганн Вольфганг, ты хотя бы понимаешь, какой опасности подверг не только себя, но и свою семью?

– Он не хотел! – бросилась к графу де Лазиски крайне взволнованная матушка паренька. Генерал (точнее, маршал лагеря) взглянул на нее довольно прохладно и проскрежетал:

– Фрау Катарина Элизабет, я попросил бы вас не вмешиваться, если можно. Ваш сын достаточно взрослый, чтобы самостоятельно отвечать за свои поступки.

Когда же перепуганная мать отступила, повторил:

– Ты понимаешь, что подверг опасности свою семью? А возможно, и весь город?

– Нет, герр генерал.

– Покушение на жизнь членов штаба французского войска, предпринятое одним из сыновей советника юстиции Гёте, бросает тень на всю семью Гёте. Можешь ли ты на это что-нибудь возразить?

Мальчик печально опустил глаза, уставившись в пол. Де Лазиски протянул руку и приподнял голову юнца за подбородок, вынуждая его взглянуть себе в глаза, при этом назидательно продолжил воспитательную речь:

– К тому же, твоя мать, Катарина Элизабет Гёте, урожденная Текстор, является дочерью бургомистра Франкфурта – а это уже пятно на весь ваш город.

– Но я же не совершал покушения! – теперь мальчик смотрел на графа обиженно.

– Он еще ребенок, герр генерал, он не замыслил ничего дурного! – подтвердила испуганная мать. Граф вновь сурово посмотрел на нее, обвел придирчивым взглядом других, уже нахохотавшихся вволю, а теперь внимательно прислушивавшихся к их беседе, не видя оснований для подобной подозрительности. Особенно выразительными были глаза де Брольи. «Ну-ка, граф, оставьте эту комедию! Разве не понятно, что мальчик не желал плохого, а просто удовлетворял любопытство?» – казалось, спрашивал маршал.

В конце концов де Лазиски сказал:

– Я верю, что юный Иоганн Вольфганг не замышлял ничего дурного. Охотно верю. Но учтите, что приблизительно в его возрасте я сначала стал заложником-гарантом военного союза моего отца с турками, а со временем с саблей в руках защищал мать, братьев и сестер от солдат врага. Поймите правильно: я был ребенком, тем не менее, война меня не обошла.

– В столь юном возрасте?! – изумилась женщина.

– В столь юном возрасте, фрау Катарина Элизабет.

– Вы были очень отважным, герр генерал...

– Не обо мне сейчас речь, а о Иоганне Вольфганге.

– Но ведь он...

– Надеюсь, вы понимаете, что, имея собственный, отнюдь не детский опыт, я все же не могу сбрасывать со счетов версию о намерении вашего сына отравить французский штаб? И что должен хоть как-то убедиться в чистоте намерений Иоганна Вольфганга?

Молодая женщина растерянно молчала, а де Лазиски продолжал:

– Вижу один-единственный выход из этой ситуации, – и он обратился к адъютанту принца Лотарингского: – Филипп, ну-ка скажи повару, чтобы вместе с нашим десертом он подал еще две порции рыбы.

Французы так и не успели ничего понять, а граф уже махнул рукой в сторону стола и торжественным тоном провозгласил:

– Герр Иоганн Вольфганг Гёте, фрау Катарина Элизабет Гёте! Разрешите от лица главного командующего маршала де Брольи и военного губернатора графа де Тораса де Прованса пригласить вас присоединиться к нашему скромному обществу и отобедать с нами. Надеюсь, вам понравится сегодняшнее угощение, особенно блюдо моей родины – «судак Орли», как называют его во Франции.

Когда де Брольи понял смысл произнесенной на немецком фразы графа де Лазиски, то не смог удержать легкую улыбку, по достоинству оценив удачный дипломатический ход: приглашая к столу дочь и внука франкфуртского бургомистра, французы из оккупантов превращались в гостеприимных хозяев. Бесспорно, де Лазиски – большой дипломат!

Хотя де Брольи давно успел убедиться в этом, много лет зная графа по общей работе в тайном кабинете «Секрет короля», настолько утонченное проявление дипломатичности на бытовом уровне все же стало для него неожиданностью. Даже, можно сказать, своего рода откровением.

– Что ж, я бы с удовольствием съел еще одну порцию рыбы, – согласился де Брольи.

– О да, судак Орли – это настоящее чудо! М-м-м! – подтвердил известный гурман принц Субиз, причмокнув и мечтательно прижмурив глаза.

– Тогда юный Иоганн Вольфганг убедится, что никакие мы не жабоеды, – завершил его мысль граф де Лазиски, элегантно кланяясь фрау Катарине Элизабет. Одновременно с этим принц Лотарингский жестами приказал адъютанту, солдатам и старой служанке выйти вон и попросил:

– А заодно, уважаемый граф, поведайте нам, пожалуйста, как вы в детстве защищали от врагов свою семью.

– Вы думаете, это интересно? – Де Лазиски сел на место и с сомнением посмотрел на принца.

– Да, разумеется, – подхватил Субиз. – Не очень представляю, как может ребенок...

– Хотя, зная о вас все то, что я знаю... Поверить в подобное не так уж и трудно, – кивнул де Прованс.

Де Лазиски на минутку закрыл глаза и вздохнул:

– Откровенно говоря, принц, я бы тоже не представлял, если бы это произошло не со мной, а с кем-то другим. Но так было, что поделаешь...

– Мы ничуть не сомневаемся в вашей честности, уважаемый граф, – заверил его де Броли, – и ждем интересного рассказа.

– Кстати, я буду рассказывать по-немецки, вы не против, маршал?

– Только помедленней, пожалуйста. Иначе я буду плохо понимать.

– Конечно, – кивнул де Лазиски. – Итак, слушайте...

*12 февраля 1713 г. от Р. Х., владения турецкого
султана Ахмеда III, молдавский городок Бендеры,
временное жилье семьи гетмана Пилипа Орлика*

Ну вот, наконец сыночек, кажется, заснул... На всякий случай Ганна еще минут пять качала привязанную к потолку колыбель, в который сопел малюсенький Яшунька, потом на цыпочках подошла к окну, согрев дыханием замерзшее оконное стекло, продышала небольшой круг. Но ничего интересного на улице не увидела: низкие серые тучи, приземистые крыши убогих хибарок, узкий переулок, занесенный грязным снегом. Вот и весь пейзаж.

Женщина присела на длинную голую лавку, вытянувшуюся вдоль всей стены. Оглянулась на колыбель: младенец спит... Да, конечно, можно было бы передоверить малыша заботам служанки Килины, однако, чувствуя беспокойство, которым был пропитан ледяной зимний воздух, женщине хотелось быть как можно ближе к детям. Особенно к самому маленькому из них...

Скрипнули двери: это вошла Марта – ее третья доченька.

– Ма-а-а!. – начала она с порога. Ганна мигом приложила палец к устам, стрельнула глазами на колыбель: дескать, тише, братца не разбуди!..

Марта на цыпочках подбежала к ней, взобралась матери на колени, обвила малюсенькими ручонками ее шею и зашептала на ухо:

– Ма-а-а, а когда мы пойдем читать?

– Не сейчас, Марточка.

– Ну...

– Иди-ка к другим.

– Нет.

– Почему?

– Там Григорий с Мишунькой о чем-то все шепчутся, шепчутся... Неинтересно!

– А девочки?

– Настя вышивать села, Варка ей помогает.

– Ну так и ты им помогай.

– А я не умею.

– А ты учись, доченька, учись.

– Ой, да я не умею...

– Вот и научисься.

– Ма-а-м-а-а, я боюсь иглой палец уколоть!

Ганна лишь вздохнула.

– Ну ма, давайте почитаем!

– Не до этого, доченька, не до этого сейчас. А что Марусенька?

– Ой, она еще маленькая для меня и совсем глупая!

Ганна невольно улыбнулась: сама Марта лишь на год старше, а уже себя большой считает... Ишь!

– Хорошо, тогда иди к Килине.

– Килина по хозяйству крутится, а я ж не могу быть вместе с ней!

– Почему?

– Да ведь я – Марточка-паняночка красная! Вот...

Дочкины слова будто бы ножом полоснули по сердцу. Ганна невольно зажмурилась и прошептала:

– Ну вот что, паняночка моя, иди-ка к девочкам, пожалуйста.

– Ма-а-а, а читать?

– Я здесь с Яшунькой сижу и папочку нашего в окошечко высматриваю – так как же пойду с тобой?!

– Так скажите Килине, пусть она посидит...

– Неужели же первой к папочке должна из дому служанка выйти, а не матушка, любимая его женушка?

– А можно здесь с вами вместе посидеть?

– Зачем?

– Да ведь и я тоже хочу папочку высматривать.

– Нет-нет, ты еще Яшуньку разбудишь.

– Я тихонечко-тихонечко буду сидеть, словно серая мышка за печечкой!

– Сказано же, нет! Ступай к девочкам.

Марта лишь вздохнула.

– Иди, прошу...

Дочка молча слезла с материнских коленей и так же на цыпочках вышла прочь. Ганна лишь уныло вздохнула, наблюдая за девочкой.

«Марточка-паняночка красная» – это Пилип так ее называет, а девочке это очень нравится, вот и повторяет при любой возможности.

Паняночка красная...

Ганна поджала нижнюю губу.

Дети, дети! Что же с вами будет?! Григория давно уже надо бы в академию отдать, Мишуньке тоже вскоре время учиться идти – и где ж она, академия эта?! По ту сторону Дикого Поля, а они – вот по эту. А здесь университеты-академии – жизнь беглецов. Разве что полвоза книг – остатки роскоши, которую удалось спасти из всей библиотеки. Но разве этого на всю жизнь хватит?! Вон Гришуня к философии так и тянется...

Поговаривают, шведские университеты совсем неплохи – не хуже, чем Виленская и Киево-Могилянская академии, где в свое время учился Пилип. И в Стокгольм им прямой проезд через всю Европу гарантировали... Так нет же – отказались! Прежде всего отказался король Карл, а уж вместе с ним Пилип сказал, словно отрубил: «Хоть вместе с королем голову сложу, но его величество ни за что не предам!»

Верность, преданность...

Вон кое-кто из казаков не выдержал, пополз на брюхе к проклятому императору Петру, готовый пыль с его сапог слизывать – и ничего, получил-таки прощение всех грехов!

Но ведь не ее любимый Пилип!..

Хотя...

Да – возможно, именно за это она и любит мужа? За упрямство, за преданность идеалам, провозглашенным покойным гетманом Мазепой, за бесшабашную храбрость. Был бы Пилип другим...

Другого Ганна просто не желала. Зато в результате сама избрала горькую судьбу – ждать, смиренно ждать, что же произойдет через месяц, через день... через час или минуту... Трястись с детьми в обозах, жить не во дворцах, а в жалких лачугах, как вот нынешний дом, за который и то надо благодарить Бога. Обходиться лишь одной, уже совсем немолодой, служанкой Килиной – так как все слуги ушли с мужем.

Ушли, возможно, на верную погибель...

Боже, спаси и сохрани!!!

Ганна изо всех сил зажмурила глаза и закусил губу – только бы не закричать. Она во всех деталях вспомнила сегодняшнее расставание...

...Они ушли ночью. Пилип выглядел хмурым, но решительным. Больше молчал, потом поцеловал жену на прощание и сказал: «Утром поцелуешь за меня деток. А сама... Молись, Ганнусенька, Господу Богу – так как Его поддержка нам сегодня ой как понадобится!»

Сказал так – и пошел.

И слуги вместе с ним.

На победу – или на смерть.

Но только не на позор, нет!..

Уже в который раз за сегодняшний день Ганна вздохнула.

Не везет им, ой как не везет! По всему выходило, что Карл давно уже должен бы возвратиться в свой Стокгольм, и казаки пошли бы следом. Но упрямец все никак не желал мириться с поражением под Полтавой! Рвался возглавить поход союзного войска турок, крымских татар, поляков и казаков... Возможно, было бы лучше, если бы шведского короля таки пригласили в коалицию – ведь тогда царя Петра ни за что не выпустили бы из окружения. Ганна знала, что и Пилип, и все казаки были против этого, но визирь Балтаджи слушать их не стал.

Вот и отпустил царя Петра на все четыре стороны...

Теперь началось самое досадное: дошло до выполнения условий Прутского договора. Пилип негодует: почему московиты не убираются прочь из Украины, почему царь Петр не выполняет того что обещал, когда присягал на Святом Писании?! Хитрые московиты на то отвечают: пусть сначала Карл вернется в Стокгольм – только тогда оставим Украину! Карл же сидит в Бендерах и дальше сидеть собирается, пока не найдет повода вновь с Петром сцепиться. Ну тогда, говорят московиты, и мы из Украины не уйдем – не хотим, чтобы Карл запросто вошел сюда. Поскольку тогда он быстренько присоединит благодатные украинские земли к будущей своей империи...

А казакам куда деваться?!

Такие вот, оказывается, они горе-победители – без результатов победы!

Беда, беда...

А все потому, что Балтаджи согласился Петра отпустить. Весьма неравнодушны турки к звонкой монете, потому визирь и счел за лучшее получить военную кассу московитов и украшения всех их женщин, которые сопровождали поход. Поговаривают, что якобы даже сама царица Екатерина первой отослала туркам все драгоценности, которые были у нее и ее фрейлин! Чем подала пример другим женщинам. Конечно, царь Петр – ярый враг казаков и всей Украины. Конечно, царица Екатерина – жена врага, а значит – ее личный враг. Тем не менее, Ганна хорошо понимала эту московитку: ведь и сама без разговоров отдала бы все, только бы спасти возлюбленного своего Пилипа в трудную минуту.

Впрочем, они и без того потеряли практически все, что имели. Живут вот милостью султана в жалкой этой лачуге...

Беда.

Но вопреки всему, жаль ей Екатерину! Почему сама Ганна с детьми находится в Бендерах, почему здесь расположились лагерем изгнанники-казаки вместе со своими семьями, понятно: едва ли кто-либо из них хотел повторения батуринской резни.

А вот зачем Петр потянул за собой в поход Екатерину? Зачем ему подражали другие военачальники? Одно из двух: либо московский царь желал удовлетворять свою мужскую похоть только в объятиях царицы – либо после победы под Полтавой считал следующий поход таким легкомысленным развлечением, прогулкой с ветерком. Дескать, мы турок, крымчан и казаков голыми руками передадим – вам на радость и забаву! Смотрите, какие мы ловкие воины...

Вот и доигрался.

Горемычная царица Екатерина!..

Вдруг Ганна встрепенулась, невольно схватила за сердце: откуда-то донеслись сухие одиночные выстрелы. Началось, не иначе... Пилип говорил, что всех верных королю Карлу людей не наберется и трех сотен. А турецкого войска здесь – двадцать тысяч! Летописи рассказывают, что якобы в древнегреческой Спарте был царь Леонид, который с тремя сотнями воинов противостоял многотысячной персидской армии. Спартанцы погибли на поле битвы все до последнего, однако ценой собственных жизней спасли весь союз греческих полисов.

Триста спартанцев...

Интересно, что напишут будущие летописцы о сопротивлении трех сотен шведских драбантов, украинских казаков и поляков многотысячному мусульманскому войску? И напишут ли хоть что-то... Ведь не родину они защищают, а упряма-короля, который ни за что не желает убраться из Бендер домой. Какой же в этом смысл?!

Геройство? Безусловно!

Верность слову? Разумеется!

Признательность за участие в украинском деле? Да!

А вот смысл...

И главное, Пилип пошел на это без всяких колебаний. Поскольку лучше рисковать собственной головой, чем предать дело всей своей жизни. Так же не колеблясь, рискнул жизнью старшего сына, в свое время оставив Григория в Бахчисарае. Крымский хан Девлет-Гирей требовал гарантий незыблемости казачьего слова, подписав с гетманом Орликом соглашение о совместных действиях по освобождению украинских земель от московитов. И гетман Орлик предоставил любезному хану живую гарантию собственного слова...

Только Бог ведает, какие потоки слез пролила горемычная Ганна! И все втайне, одиночными ночами в подушку, так как днем плакать нельзя – дети увидят, за братца старшенького начнут волноваться. Хорошо, что тот ужас минул без трагических последствий: после подписания Прутского мира Григорий вернулся домой и еще целый месяц восторженным соловушкой разливался о бахчисарайских чудесах, о безграничной доброте пожилого Девлет-Гирея и веселом ханском сыне Каплан-Гирее, с которым они подружились. Лучше всего, что Григорий так и не понял, какой опасности на самом деле подвергался в течение года. Ведь если бы (не дай Бог!) что-то пошло не так, «добрый пожилой» Девлет-Гирей мигом велел бы перерезать ему горло и выставить юную головушку на всеобщее обозрение на центральной площади сказочного города Бахчисарая.

В отличие от сына, Ганна все хорошо понимала. И Пилип также понимал прекрасно, однако и вида не подавал. Только однажды, порывисто поцеловав жену в губы, прошептал: «И что, Ганнусенька моя дорогая, вот надо было плакать за живым сыном, словно за покойником? Ты же знаешь, сердечко мое, я бы не допустил, чтобы с ним случилось что-нибудь плохое». Будто и в самом деле знал, как горько она рыдала жуткими одиночными ночами...

А ведь наверняка знал!

Догадывался.

И сейчас тоже, небось, догадывается.

И все равно пошел оборонять шведского короля!

Ради казачьей чести...

Жив ли ты еще, Пилип?! Кто там и в кого стреляет: ты – или в тебя?

Только бы он в живых остался, Боже, только бы живым вернулся...

За спиной снова скрипнули двери. Вот горе, не сидится с сестрами нашей маленькой Марточке-паняночке.

– Мама, вам лучше уйти отсюда.

Ганна изумленно оглянулась.

И вовсе не Марта стояла на пороге, а их старшенький сын Григорий. Стоял и исподлобья смотрел на мать как-то слишком уж серьезно, даже сурово.

– Тише, Григорий, сейчас еще мне Яшуньку разбудишь... – начала Ганна, однако сын совсем невежливо прервал ее:

– Это ничего, мама, Яшунька и без этого проснется. Берите его и немедленно бегите.

– Ну что ты такое говоришь, Григорий...

Мальчик только брови нахмурил:

– Пожалуйста, мама, делайте, как я говорю и не медлите! Я уже приказал Мишуньке заняться младшими девочками, а Килина...

– Ты?! Приказал?!

Ничего не понимая, Ганна присмотрелась к старшему сыну так, словно видела его впервые в жизни. Мальчуган как мальчуган: невысок ростом, немного приземистый, с маленькими аккуратными губками и светло-кариими глазами.

– Да, приказал, а что такого?

– Грицюня!... – голос Ганны звучал растерянно.

Да, это их с Пилипом первенец... но что этот малыш себе позволяет?!

– Пожалуйста, мама, не забывайте, что в отсутствие отца старший мужчина в доме – я. Поэтому имею полное право распоряжаться.

Вот тебе на!

Вообще-то Григорий мало похож на Пилипа. Теперь же, в момент опасности, мальчик наклонил голову, словно бычок, сделал несколько шагов вперед, как-то нехорошо сузил выпученные светло-карие глаза и окончательно стал похожим на покойного своего деда Павла Герцика. Вылитая дедова копия! И процедил сквозь зубы в его же манере:

– Мама, поймите: началась стрельба. Стреляют там – значит, вскоре здесь также начнут. Короля Карла защищают казаки и драбанты. Нас защитить некому, кроме...

– Сыночек, но почему ты решил, что нас нужно защищать? Ведь турки и крымцы – это наши союзники...

Ганна все еще пыталась притворяться непоколебимо-спокойной. Впрочем, на Григория ее игра впечатления не произвела. Он приблизился на шаг и сказал еще резче:

– Мама, очень прошу вас: хватит разговаривать со мной, словно с маленьким ребенком! Сейчас не время для успокоения. Килина ждет вас около задних дверей. Забирайте скорей Яшуньку и...

– Но послушай, Григорий!

– К тому же, я не девочка, – добавил сдержанно.

Сделав над собой усилие, Ганна сказала все еще спокойно:

– Хорошо, хорошо. Только откуда ты знаешь, кто там стреляет...

– Думаете, я спал, когда отец ушел сегодня из дома?

– Грицю!

– К тому же, я целый год прожил заложником в Бахчисарае.

Бедная женщина аж задрожала. Значит, мальчик все знал и прекрасно понимал? Или, по крайней мере, приблизительно представлял?

– А что, мама, разве вы думали, что ваш Григорий – маленький дурачок, который даже не догадывается, почему отец везет его в Крым и оставляет под опекой «доброго» хана Девлет-Гирея?

Неизвестно, что именно ответила бы на это Ганна (мысли в голове у нее путались), но в следующий же миг в дверях появилась встревоженная Килина со старшими девочками, Настей и Варкой. Увидев их, Григорий воздел над головой сжатые кулаки и гаркнул так, как это делал отец:

– Кил-л-лина, дур-ра ты стар-рая! Я ж тебе приказал!..

А дальше понеслось кувырком...

Проснулся в колыбельке и захныкал Яшунька.

Кто-то ударил Ганну по лицу. Во рту появился солоноватый привкус крови, но она продолжала отчаянно вырываться и вопить под довольный смех мамлюков.

Совершенно неожиданно гам толпы перекрыл мощный властный окрик, и солдаты мигом умолкли. Женщина оглянулась на голос и увидела между двух домишек молодого турка в богатой одежде, а с ним...

– Сенатор Сапега! Сенатор, помогите!

Важного вида поляк изумленно осматривал сцену, открывшуюся его взору. Тем временем знатный турок что-то зло выкрикивал, обращаясь к мамлюку, связывавшему Грицю ноги. Тот кричал в ответ, тыкая пальцем в сторону раненного мальчиком товарища, лежавшего неподалеку на снегу. И без толмача можно было понять, о чем они спорят.

– Сенатор! – снова отчаянно вскрикнула Ганна и попыталась вырваться из рук схвативших ее. И тут же молодой человек размахнулся и с такой силой ударил мамлюка в ухо, что тот повалился в снег просто Грицю под ноги. А всадник, невозмутимо наблюдавший за спором, вдруг взмахнул нагайкой. Вороной заржал, вздыбился, рванулся вперед, веревка натянулась, мальчик завалился на спину...

– А-а-а!!! – закричала Ганна, у которой все поплыло перед глазами.

– А!.. – дружно выдохнули мамлюки.

И грянул выстрел, конь захрипел, передние ноги подломились, всадник вылетел из седла и кубарем покатился по примятому снегу.

– Э-э-э!.. – разочарованно откликнулись турецкие воины.

В предсмертных судорогах молотил копытами вороной. Рядом корчился Григорий, напрасно стараясь если не распутать, то хотя бы ослабить веревку. А над ними стоял довольный собственной меткостью сенатор Сапега с пистолем в руке. Стоял и весело улыбался.

В самом деле, теперь мальчику ничто не угрожало. Возможно, чтобы лишний раз продемонстрировать благосклонность к Григорию, молодой турок лично разрезал его путы и помог встать. Мамлюки неохотно отпустили Ганну, горемычная женщина мигом бросилась к мальчику, обняла и расцеловала его.

– Не надо, мама... Ну не надо же, прошу! – Сын явно стеснялся того, что мать ведет себя с ним, словно с маленьким. В конце концов мягко, но настойчиво отстранился от нее и спросил по-турецки: – А где моя сабля?

Молодой турок, все еще стоявший рядом, грозно позвал мамлюков. Те вмиг принесли клинок. Григорий хотел было взять его, но знатный молодой человек отрицательно мотнул головой и забрал саблю себе. Григорий сердито дернул плечом и обратился к Ганне:

– Кстати, мама, познакомьтесь: это принц Калга-Султан, сын его величества.

Пока Ганна порывисто целовала принцу руки, а тот принимал знаки признательности с горделивым величием, Григорий добавил по-турецки:

– Это мать моя, благородная Ганна Орлик, жена его светлости казацкого гетмана Пилипа Орлика, благородного моего отца.

– Я посылаю мамлюк арестовать его светлость гетман Орлик на приказ повелитель правоверни, пусть делают Велики Аллах длинные-длинные его дни, – сказал в конце концов Калга-Султан на ломаном польском, – а потьом пойти сам след в след вместе с сенатор Сапега. И мамлюк все делать не так, шайтан их забирать!

Принц грозно смотрел на притихших воинов, которые под его суровым взглядом мигом упали на колени, словно подкошенные.

– Да, мамлюки в самом деле немного... м-м-м... перестарались, так как не имели никаких указаний относительно семьи светлейшего пана гетмана, – подтвердил сенатор, подходя ближе. – Но, насколько я понимаю, произошло это из-за юного нашего пана гетманчыка...

Под его пренебрежительно-насмешливым взглядом Григорий потупился и неохотно пробормотал:

– Как только я увидел воинов, то сразу решил, что...

– Мамлюк вас не надо трогать, нам надо арестовать гетман Орлик, – повторил Калга-Султан.

– Как видите, благородного моего отца, пана гетмана Пилипа Орлика, здесь нет, – с неожиданным в такой ситуации достоинством возразил Григорий.

– Ну вот, так я и знал! – всплеснул руками Сапега. – Говорил же, что пан гетман скорее всего помогает королю Карлу обороняться.

– Ну, тогда мы пойти, мамлюк тоже пойти, – решил принц. – Мы ничего не брать, кроме все оружие.

– Но как же!.. – горделиво задрал голову Григорий.

– Сынок! – попробовала урезонить его мать.

– Оружие оставаться у нас, пока гетман Орлик не присягать имя свой Бог, которые не оборонят круль Карл здесь, а идти с круль Карл в Стокгольм прямо. Тогда отдавать весь оружие, который забрать. Так. А панна... госпожа Ганна Орликивна пусть быстро собирать далекие-далекие дорога Стокгольм. Собирать все, что иметь в свой дом...

Здесь Ганна неожиданно ойкнула:

– Дети! – и стала взволнованно озиаться кругом. Однако Григорий с неожиданной твердой уверенностью взял ее за руку и сказал тихо:

– Не волнуйтесь, мама, с ними все хорошо.

– Ты уверен? – Несчастной женщине как-то не верилось. И к тому же она почувствовала, до чего холодно здесь, на улице. А они же повибежали из дома, не надев теплых вещей!

Дети...

Что с детьми?!

– Мама, пожалуйста! – Григорий изо всех сил дернул ее за руку, а затем обратился к Калга-Султану: – Итак, как видите, светлейшего пана отца здесь нет. Есть ли у вас еще какие-то дела?

Не сказав ни единого слова, принц подал знак мамлюкам, и те пошли прочь, забрав с собой раненого. Сенатор Сапега подкрутил ус, бросил коротко:

– Честь! – и пошел следом. Только тогда Григорий потянул мать за собой в дом. Внутри было все вверх дном. Очевидно, что исчезло не только все оружие, еще несколько минут назад висевшее на стенах, но и многое другое. Однако не это волновало сейчас Ганну, не это грызло ее душу более всего.

Дети! Что с детьми?!

Пройдя через весь дом к черным дверям, Григорий вывел мать наружу. За сотню шагов от дома начинался негустой лесок, куда они и направились по полузаметенной тропке, протоптанной в снегу.

– Грицю, ты уверен?..

– Ну так смотрите сами, мама, если не верите, – пожал мальчик плечами и вдруг дважды свистнул так резко, что аж в ушах заложило. Где-то по правую сторону раздался ответный свист, женщина поглядела туда... и вскоре увидела Мишуньку, в руках которого поблескивали две детские сабельки – и его собственная, и Грицька. Вслед за ним по неглубокому снегу брели четверо дочерей, а позади всех – старая Килина с грудным ребенком на руках. Не помня себя от счастья, Ганна бросилась к детям, начала всех обнимать и целовать. Впрочем, Марта поторопилась сразу пожаловаться:

– Ма-а-а, а Мишунька нас бабаем пугал, вот!

– Да-а-а, пугаа-а-ал!.. Стла-а-асно-о-о!.. – захныкала сразу самая маленькая Марусенька.

– Мишунька, ну как тебе не стыдно?! – сказала женщина, захлебываясь слезами счастья, потоки которых невольно текли из глаз.

– И ничего мне не стыдно. Просто так надо было, вот и все.

– Зачем?..

Пришлось рассказать все.

Оказывается, когда Григорий подслушал прощальные слова отца, то сразу начал составлять план действий, как он выразился, «на всякий случай». План этот ребята обсуждали шепотом все утро после завтрака. Едва лишь со стороны лагеря короля Карла послышались выстрелы, Григорий приказал Килине, Насте и Варке одеваться, тогда как Мишунька прихватил обе детские сабельки и срочно повел Марточку и Марусеньку к сокровенному тайнику, где они игрались в Полтавскую битву.

– Во что вы там игрались? – не поняла Ганна.

– В Полтавскую битву. Я, конечно, за казаков и шведов был, а Мишунька – за московитов. И наши казаки всегда побеждали, – не моргнув глазом сказал Григорий. – Хотите посмотреть, как там все устроено?

Сбитая с толку женщина кивнула. Тонем сурового главнокомандующего мальчик обратился к брату:

– Отдай же в конце концов мое оружие. Поведи матушку к тайнику и покажи там все, что надо...

Мишунька отдал Грицю сабельку и повел мать на опушку. Там показал полуразрушенную землянку, продемонстрировал, как пройти к ней с другого края таким образом, чтобы следов не было видно со стороны селения. Здесь же рассказал, как, заведя младших сестер в тайник, решил на всякий случай вернуться к Григорию. Чтобы Марта и Марусенька вдруг не выбежали наружу, хорошенько напугал их «злым голодным бабаем, который питается хорошенькими маленькими девочками». И побежал назад, к дому.

И хорошо, что так – ведь Килина не повела Настю и Варку к черным дверям, а вопреки приказу пошла за Григорием, который убеждал мать срочно убираться подальше от опасности. Тут и появились мамлюки... Решив, что над всеми женщинами нависла смертельная угроза, Григорий сорвал со стены одну из отцовских сабель (так как свою отдал брату) и побежал оборонять жилище. Когда турки пленили Григория, мать мигом передала младенца служанке (как Ганна ни напрягала память, но припомнить этого так и не смогла) и бросилась за сыном. Глупая Килина едва не подалась вслед за хозяйкой... не говоря о том, что Настя и Варка тоже готовы были бежать брату на выручку. Но Мишунька не позволил – почти силком потянул всех к тайнику, где ныли напуганные рассказами о бабае сестрички – насилу их утихомирили!

Хорошо, что все кончилось именно так, а не иначе...

Под вечер домой вернулся понурый, покрытый грязью и копотью отец в сопровождении таких же хмурых казаков. С болью в голосе гетман рассказал, как мужественно защищали они короля Карла, как турецкие мамлюки все же пленили его и повезли в Демюрташский замок. Казаков же заставили поклясться, что те более не станут медлить, а как можно скорее оставят Бендеры и подадутся куда угодно – хотя бы в ту же Швецию.

Затем выслушал отчет Григория о не очень удачной схватке и обороне жилища. Сначала похвалил обоих сыновей за сообразительность, но потом наморщил лоб и долго думал, прежде чем сказать:

– Впрочем, ты, Григорий, повел себя сегодня слишком безрассудно. Этого нельзя, никак нельзя позволять, если отвечаешь не только за самого себя, но и за других. Наказывать тебя, сынок, не стану – ты и без того натерпелся вдоволь. Но скажи мне вот что: ну разве нельзя было вести себя немного спокойнее?! Это дало бы тебе шанс оценить ситуацию более трезво, а затем, возможно, и не рисковать жизнью. Ведь не вы им нужны были, а я... Подумай над этим, сынок. Хорошенько подумай и в следующий раз не спеши ставить на карту жизни и покой своих близких. Это, Грицю, штука такая: голову потерять легко – вернуть назад на плечи невозможно. Подумай над этим.

– А вы, отец?..

– Что – я?

– Разве можете сказать вы, что всегда и своевременно делали верные ставки? И разве вы сами никогда не рисковали жизнью не только своей, но и моей, например?

Гетман лишь молча посмотрел на сына и растер покрытое копотью лицо, на котором пот со лба уже успел пробороzdить несколько светлых дорожек. Что он собирался ответить, так и осталось неизвестным: в двери постучал посланец Семена Пивторака, который пришел узнать, все ли обстоит благополучно с семьей Орликов. Причина такого беспокойства была понятной: Пивторак давно уже договорился высватать Софийку – одну из своих дочерей – за Григория. Ждал лишь, когда оба подрастут настолько, чтобы гетманыч заслал сватов. Молва о сегодняшнем «подвиге» Григория уже облетела все Бендеры – значит, о судьбе будущего зятя беспокоится...

– Пошли, сынок, гостя принимать, – сказал Пилип, поднимаясь на ноги. – А о том, что произошло днем, договорим после.

Гетман взлохматил волосы на макушке сына и добавил тише:

– После, не сейчас...

Глава 2. Долги и любовь

Январь 1759 г. от Р. Х.,

Российская империя, Санкт-Петербург

Ле-Клерк недолго пробыл в насквозь пропитанном влагой темном подвале, но успел замерзнуть так, будто все это время простоял на пронзительном ветру в одном лишь исподнем. Врач оторвал глаза от поросшей темно-зеленым мхом стены и посмотрел на следователя. И как этот горемыка умудряется просиживать здесь целыми днями?

Следователь расценил взгляд подследственного по-своему, как-то очень специфично, поскольку сказал презрительно и немного насмешливо:

– Так что, мусью дохтур в конце концов будет рассказывать все-все?

– То есть? – Врач посерьезнел, поджал губы. Но на следователя это не произвело никакого впечатления, и он продолжил общение в том же презрительно-насмешливом тоне, каким говорил и прежде:

– Итак, мусью дохтур продолжает играть в молчанку? Хорошо, хорошо...

Ле-Клерку начала надоедать эта комедия. Кроме того, сколько еще можно мерзнуть в проклятом подвале?! И он решил ускорить развитие событий:

– Послушайте, господин... как вас там звать...

– Для тебя, мусью дохтур, я – самый кошмарный ужас, вот кто я для тебя такой! – попробовал было перейти в наступление следователь. Тем не менее, на столь грубую провокацию Ле-Клерк не поддался:

– Послушайте, драгоценный мой ужас, вы знаете, кто я такой?

– Это я и стараюсь выяснить у тебя, жабоед, вот уже битый час...

– Итак, драгоценный мой, знайте, что я – Николя-Рафаэль Ле-Клерк, личный врач ее императорского величества Елизаветы Петровны, тогда как вы...

– Та-та-та! Пошло, поехало...

– Послушайте, уважаемый господин!..

– Нет, это ты, послушай, жабоед!..

Около минуты они пожирали друг друга глазами, изо всех сил стараясь даже не моргнуть.

– Между прочим, вы отвлекаете меня от исполнения весьма важных обязанностей при высокородной особе ее императорского величества, – в конце концов процедил сквозь зубы Ле-Клерк.

– На что имею полное и законное право, – не растерялся следователь.

– Сомнительно что-то...

– Сомневайся, жабоед, сомневайся, если хочешь.

– Разве вам неизвестно, что ее императорское величество чувствуют себя плохо?

– Тебе, небось, тоже несладко сидеть в моем подвале, – криво ухмыльнулся следователь, отводя таки глаза. – Но ты, мусью дохтур, учти, что по-настоящему я за тебя еще даже не брался. Итак, сознавайся лучше сейчас...

Вдруг Ле-Клерк догадался кое о чем.

– Послушайте, уважаемый, – сказал он по возможности проницательнее, – у вас что, ревматизм?

Следователь нервно дернулся, зыркнул на императорского врача из-под нахмуренных бровей, но ничего не ответил.

– Ну, разумеется, – Ле-Клерк вздохнул с сочувствующим видом. – Заработаешь ревматизм в этакой сырости конечно же...

– Это тебя не касается, дохтур, – пробурчал следователь, но уже без всякой насмешливости или презрительности.

– А хотите помогу?

– Я тебя, жабоеда, спросил, кажется...

– Нет, правда-правда, помогу!

– Послушай-ка, ты!

Впрочем, следователь хорошо понимал, что плохого врача к царственной особе и на пушечный выстрел не допустят. Поэтому после столь привлекательного предложения мастера своего дела кричать на него... как-то, знаете, не к лицу... Даже прирожденному хаму.

– Итак, дохтур, я тебя в последний раз по-хорошему спрашиваю: к какой масонской ложе ты приписан? Отвечай честно и откровенно, словно своему духовному отцу. И по-хорошему, иначе я возьмусь за тебя по-плохому...

– Не принадлежу ни к одной.

– Искренне тебе советую, жабоед!

– Да я же искренне повторяю: я не принадлежу ни к одной тайной ложе вольных каменщиков.

Пару-тройку минут помолчали, потом следователь спросил:

– Ты хорошо подумал?

– Конечно.

– Ну так как же?

– Что именно?

– То, о чем спрашиваю: масон ты, жабоед, или нет?!

– Я же сказал...

– А ты еще, еще раз повтори, дохтур.

– Зачем?

– Потому что я так приказываю.

– Я уже ответил...

– Повтори, жабоед.

– Понятно и недвусмысленно...

– Я не расслышал.

– Разве?

– Оглох вдруг, знаешь... На один-единственный миг.

– Я не принадлежу ни к одной тайной ложе вольных каменщиков.

– Так-таки ни к одной?

– Абсолютно.

Снова помолчали.

– Не передумал?

Ле-Клерк зажмурился и глубоко вздохнул. Будто не понимая, к чему клонит следователь, врач сказал по возможности спокойнее:

– Послушайте...

– Так что, сознаешься в конце концов?

– Послушайте, уважаемый, если я не успею своевременно заказать все необходимые компоненты для лекарства ее императорского величества...

– А мне, знаешь, не нужно, чтобы какой-то там жабоед отравил ее императорское величество Елизавету Петровну, дочь нашего славного императора Петра Великого! Ты меня хорошо понял?!

– С чего это вы взяли, что я собираюсь отравить ее императорское величество?! Что за чушь?!

– Потому что ты, жабоед – проклятый масон. Масон и прусский шпион.

– Но ведь это идиотизм!

– Эй, дохтур! Легче, легче!

– Полнейшая глупость – вот что такое ваше предположение!

– Я т-тебе!..

– Так что, вы и далее будете оставлять ее императорское величество без лекарства? Значит, пусть ее императорское величество и дальше страдает от мигрени?¹

Они уже в который раз скрестили взгляды. В подвале воцарилась напряженная тишина, только время от времени потрескивал свечной фитиль.

– Едва лишь вернусь ко двору, сразу же доложу ее императорскому величеству, кто именно заставил меня задержаться. Воображаю, как разгневается высокородная Елизавета Петровна...

Здесь следователь наконец опустил глаза, резко выдохнул и вытер рукавом вмиг вспотевший лоб. Ле-Клерк в душе обрадовался: значит, он таки победил этого негодяя!

– Повезло тебе, дохтур, что нет сейчас в Санкт-Петербурге графа Бестужева, – процедил пренебрежительно следователь. – Он бы уж точно...

– Если хотите знать мое мнение, то с графом Бестужевым-Рюминым ваше ведомство явно перестаралось, – ехидно улыбнулся врач.

– Ты откуда знаешь? – насторожил уши следователь.

– Ведь, насколько мне известно, окончательно доказать факт прусского масонства графа Бестужева-Рюмина так и не удалось.

– Это ты от своих побратимов узнал, от вольных каменщиков?

– Да оставьте вы! Пс-с-с! – Ле-Клерк презрительно выпустил воздух сквозь сцепленные зубы.

– Так откуда?

– От светлейшего господина Разумовского, ясное дело! Вы же знаете, что я был его личным врачом, на протяжении пяти последних лет проживал в его имении, что в малороссийском поселке Батурине. А уже потом именно он дал рекомендацию ее императорскому величеству.

– То есть это от господина Кирилла Разумовского...

– Естественно, от него.

– А может, ты все-таки прусский масон? А, дохтур?

– Я все-таки француз, прошу не забывать! – с достоинством ответил врач.

– Это ничего не означает. Франция и Пруссия слишком долго были симпатиками, поэтому вполне возможно...

– Но сейчас Франция воюет против Пруссии вместе с Россией! И неужели вы думаете, что, проводя рядом с его светлостью Кириллом Разумовским целых пять лет...

– Хорошо.

Ле-Клерк решил, что допрос наконец-то завершен, но следователь наклонился в сторону, покопался там и бросил на стол несколько бумажек, которые в мерцающем сиянии одинокой свечки казались желтовато-блеклыми.

– Это мы отобрали у тебя, когда задержали. Твои это бумажки, жабоед?

– Да, мои.

– Ты не возражаешь?

– Разумеется, нет.

– А теперь сознавайся честно: что это такое?

¹ Елизавета Петровна в самом деле очень страдала от жестоких приступов головной боли, вызванных, по некоторым сведениям, врожденным сифилисом, унаследованным от ее отца – Петра I. Долгое время императрица спасалась от мигрени токайским вином (здесь и далее – прим. авт.).

– Как это – что?! – искренне изумился врач. – Это рецепты лекарств ее императорского величества.

– Точно?

– Конечно!

– А что это за язык такой странный?

– Латынь. Вы знаете латынь?

В глубине глаз следователя что-то блеснуло, однако ответил он довольно уверенно:

– Да, знаю.

– Не знаете вы латыни, не врете, – скривил губы Ле-Клерк.

– Знаю, знаю. Это легко. Вот выучил же я твой лягушачий язык, сумел...

– Кстати, акцент у вас просто ужасный! И все же выучить устный язык – это одно, а выучиться и писать вдобавок – совсем другое.

– Ничего, ничего, не я, так другие знают твое тарабарское письмо...

– И что, другие разве не подтвердили, что это рецепты лекарств, написанные обычной латынью?

– А зачем ты, жабоед, пишешь эти так называемые рецепты на чужом языке? Почему это тебе не хватает нормальных русских слов?

– Так между учеными людьми заведено, спросите кого угодно.

– Подозрительно оно как-то. Очень подозрительно.

– Ничего подобного. На латыни пишутся все рецепты...

– Вот я и говорю: все это – ваша прусско-масонская тайнопись.

– А я говорю, что вы очень рискуете. Так как если ее императорское величество своевременно не получат лекарства...

– Прежде ее императорскому величеству хватало доброго токайского вина, лишь бы утихомирить головную боль.

– Теперь уже не хватает. Поэтому ее императорское величество и попросила его светлость господина Разумовского приставить к ее особе меня, так как мой предшественник не знал никаких других рецептов, кроме доброго старого токайского.

– А ты свои масонские тайнописи здесь сразу начал разводить...

– Я лишь облегчаю страдания ее императорского величества. И все это – для блага Российской империи, не забывайте.

Следователь глубоко вздохнул. Ле-Клерк с удовлетворением отметил про себя, что он почти готов сдаться. Однако не все было так просто...

– А почему это ты так странно ведешь себя, дохтур?

– То есть?

– Не понял разве, о чем это я спросил?

– Нет.

– Тогда специально для всяких разных жабоедов объясняю. За последнюю неделю ты дважды посещал аптеку госпожи Зоненфельд, теперь собираешься туда в третий раз.

– Ну и что в том странного?

– Тем не менее, тем не менее...

– Я врач – она аптекарша...

– Ты посещал ее учреждение лично. Во-первых, можно было послать кого-то из твоих помощников... Надеюсь, у тебя, дохтур, есть помощники?

– Конечно, есть. Тем не менее, когда речь идет о здоровье ее императорского величества, можно и лично похлопотать...

– Ты хочешь сказать, что это весьма важно?

– Ну да! А вы разве не считаете, что...

– Ну, предположим. Но ведь, во-вторых, можно было вызвать госпожу Зоненфельд ко дворцу. Зачем же тебе самому?..

– Я состою при особе ее императорского величества недавно, сейчас выбираю поставщика лекарств, поэтому и хотел лично убедиться, как выглядит учреждение госпожи Зоненфельд.

– А что, жабоед, у тебя есть какие-то сомнения?

– Нет-нет, не то чтобы сомнения, но...

– Что же тогда?

– Госпожа Зоненфельд – честная вдовушка, ее учреждение пользуется доброй репутацией. И все же когда речь идет об августейшей особе, одних лишь слов мало. Надо проверить все на месте, причем лично. Вы должны меня понять... хотя бы в силу ваших же служебных обязанностей.

– Ты на что намекаешь, дохтур?

– А хотя бы на настоящую проверку.

Следователь вздохнул, сделал вид, что уже в который раз перечитал написанное в рецептах, потом спросил:

– А может, ты того...

– Что именно? – не понял врач.

– Может, тебя привлекает не учреждение госпожи Зоненфельд, а сама его хозяйка, а?

– Ну, знаете... – Ле-Клерк невольно улыбнулся.

– Знаю, жабоед, знаю. Ты холостой – она вдовушка. Ты врач – она аптекарша. Общие интересы, общие чувства... Да?

– Мои личные чувства никого не касаются, кроме меня самого, – с достоинством ответил Ле-Клерк.

– А вот и ошибаешься, дохтур. Когда речь заходит о ее императорском величестве – касаются.

– Насколько я понял, вы спрашивали, принадлежу ли я к какой-либо ложе прусских масонов?

– А что, ты в конце концов сознаешься? – оживился следователь.

– В таком случае учтите: я – француз, госпожа Зоненфельд – австрийка. Франция, Австрия и Россия вместе воюют против Пруссии. Так вы даже после этого хотите сказать, что я – прусский масон?!

Следователь промолчал.

– Тем более, госпожа Зоненфельд – женщина. Насколько я знаю, среди масонов женщин нет.

– Откуда тебе это известно? – следователь так и прикипел глазами к Ле-Клерку.

– Так ведь масонов называют вольными каменщиками, тогда как о каменщиках я никогда и ничего не слышал. А вы слышали хотя бы что-нибудь?..

В таком же духе спор продолжался еще с полчаса. В конце концов следователь не выдержал и отпустил Ле-Клерка. В самом деле, а как еще он мог поступить – не оставлять же ее императорское величество без лекарства от ужасной мигрени... Она же действительно могла рассердиться на слишком старательного следователя. Вот если бы он вытянул из врача признания... А так – далее задерживать француза в подвале не было никакого смысла.

Забрав рецепты, довольно прохладно распрощавшись со следователем и напоследок напомнив, что лечение ревматизма – штука несложная, Ле-Клерк наконец оставил сырой подвал. Возле выхода его ждала карета на полозьях. Даже не оглянувшись назад (и без того понятно, что ищейка вскочит на задок, едва лишь они отъедут), приказал кучеру гнать коней к аптеке госпожи Зоненфельд без малейшей задержки.

Как и в прошлые два раза, вдовушка-аптекарьша была кротка и вежлива. Ле-Клерк передал ей все три рецепта, попросил не медлить. Намекнул, что может похлопотать перед ее императорским величеством, чтобы госпожа Зоненфельд получила монополию на поставку лекарств к императорскому двору. Хозяйка так и расцвела, мило улыбнулась. Она в самом деле еще ничего, подумал Ле-Клерк. Может, над словами следователя стоит задуматься? Так вот не знал, не знал – и вдруг угадал!..

Да, служба у ее императорского величества – дело почетное. Выполнение обязанностей перед хозяином – тем более. И все же жизнь – это жизнь, рано или поздно она берет свое...

На этом Ле-Клерк и оставил гостеприимное учреждение госпожи Зоненфельд, сопровождаемый кротким взглядом хозяйки. На улице незаметно огляделся по сторонам и увидел, что ищейка прячется за углом. Наверное, зол, как черт, – ведь озяб на пронзительном ветругане. Ну, ничего, ничего – у каждого своя работа!

А над словами следователя подумать следует. Бесспорно, следует...

*Февраль 1759 г. от Р. Х.,
Франкфурт-на-Майне, ул. Олений Брод,
ставка военного губернатора французов графа
Tea de Тораса де Прованса*

- У меня хорошая новость из Московии, маршал.
- В самом деле, генерал?
- Да, наш друг Ле-Клерк прислал важную весточку.
- Де Броли сразу оживился:
- Ну-ка, ну-ка, интересно! И о чем же он пишет?
- О своем повышении.
- То есть?

Левая бровь маршала вопросительно выгнулась.

- Он уже более не является личным врачом его светлости Кирилла Разумовского.
- Вон как? Кем же он стал – может, управляющим имением Разумовского?
- Выше берите, маршал!
- Выше? Что вы имеете в виду, де Лазиски? Объяснитесь, прошу.

Генерал аж просиял, затем протянул маршалу один из «рецептов», три недели назад переданных Ле-Клерком кроткой аптекарше, и провозгласил торжественно:

- По рекомендации его светлости месье Разумовского наш агент Николя-Рафаэль Ле-Клерк стал личным врачом ее императорского величества Елизаветы Петровны.
- Что-о-о?!

Впрочем, шифровка была у него в руках. Перегнув «рецепт» пополам, так, что латинские слова остались на левой части, а на правой – только столбик чисел, де Броли внимательно пробежал по нему глазами. За много лет работы в тайном кабинете Луи XV «Секрет короля» маршал выучил шифр почти наизусть, поэтому читал разнообразные числа, словно это были обычные слова. Вот впереди указан личный номер адресата шифровки – «1265», что означает «его светлость граф Орли». Далее – по тексту...

Дочитав до конца, де Броли только подбородок потер. Вне всяких сомнений, так оно и есть: агент сообщил о своем новом назначении и давал краткую информацию о военных планах русских на ближайшие месяцы. Вот только здесь непонятно... Причем именно там, где речь идет о запланированном на лето наступлении! А это же самое интересное...

- Любезный мой граф, подскажите, пожалуйста, что означают эти два предлинных числа?
- Разве вы не видите, что оба начинаются с нуля?
- А-а-а, так, так.

– В таком случае, нужно воспользоваться латинской частью рецепта.

Де Броли разогнул бумагу и, согласно указаниям генерала, начал отсчитывать слова, выбирать из них буквы и составлять название населенного пункта:

– К-у-н-е-р-с-д-о-р-ф... Кунерсдорф?

– Да, маршал, речь идет именно о Кунерсдорфе².

– Благодарю, генерал!

– Пожалуйста.

– Итак, летом русские и австрийцы планируют наступление в направлении Кунерсдорфа?

– Именно так.

– Но в то же время ваш агент сообщает, что его светлость мецье Салтыков не намерен рисковать русской армией ради успехов австрийцев?

– Да, маршал.

– Ну хорошо, пусть грызутся. Нам же со своей стороны следует активизировать боевые действия. Например, во второй половине лета.

– Именно так.

Маршал прошелся туда-сюда по комнате, остановился посередине, звякнув шпорами, крутнулся на каблуках.

– Прекрасная работа, граф! Как вашему агенту такое удалось? – де Броли не скрывал откровенного удивления.

– С самого начала я придерживался мысли, что Ле-Клерк очень способный, даже талантливый разведчик. Даром, что ли, лично порекомендовал его вам, как считаете?

– Ну-у-у что вы, что вы, граф! Конечно же, не даром!

Маршал снова прошелся по комнате и вдруг спросил:

– Каким образом Ле-Клерк присылает вам сообщения?

Генерал вновь молча поклонился. Маршал уныло вздохнул:

– Послушайте, де Лазиски, я хочу знать всего лишь, насколько надежными являются люди, которые помогают нашему врачу?

Маршал лагеря ничего не ответил, только молча поклонился.

– Снова эти ваши тайны!

– Вы же, наверное, знаете, как мне удалось сохранить по сей день столь разветвленную агентурную сеть, которая четко работает везде и повсюду, у врагов и у друзей, от Санкт-Петербурга до Османской империи?

Де Броли поморщился, поскольку догадывался, каким будет ответ.

– Верно, маршал, абсолютно верно: моя агентурная сеть – это мое личное дело. Я никогда и никому не передоверяю информацию о своих агентах, потому к ним и подобраться невозможно.

– Но никто из нас не вечен, генерал...

– Уверяю, что в случае моей гибели Кароль передаст лично вам все сведения о моих агентах.

– Только в случае вашей гибели?

– Только тогда, маршал. И только вам лично.

– Но ведь...

– Не будем затрагивать столь деликатный предмет, как жизнь мецье Николя-Рафаэля Ле-Клерка и других разведчиков: предположим на миг, что вам безразлично, живы они или

² 1 августа 1759 года под Кунерсдорфом прусская армия (около половины от общей численности войска короля Фридриха Великого) была наголову разгромлена русскими и австрийцами, сам Фридрих едва избежал плена (см. *Хронологическую таблицу*).

умерли, подвергают пытке наших людей сейчас, чтобы вытянуть из них любые сведения, или нет.

– Но ведь!..

– Я говорю лишь – допустим. На самом деле речь идет о другом: неужели и вам лично, и его величеству Луи XV совсем не нужны самые точные сведения из Санкт-Петербурга, Варшавы, Стокгольма, Копенгагена, Рима, Лондона, Вены, Берлина, Порты и Бахчисарая? Неужели вас не интересует, насколько преданы нам союзники и что именно замышляют враги?

– Вы правы, генерал, – согласился в конце концов де Брольи.

– Если так, тогда разрешите мне и в дальнейшем самому руководить своей агентурной сетью по собственному усмотрению.

– Но ведь постоянно создается впечатление, что вы получаете сведения ниоткуда! Словно тот фокусник из воздуха, честное слово! Вот взять, например, нашего друга Ле-Клерка...

– Да, взять хотя бы его.

– Откуда мы знаем, что его сообщение – правда? Откуда вы знаете, что он находится в Санкт-Петербурге при особе императрицы Елизаветы, а не сидит в своем Батурине?

– Так проверьте сведения, если не верите! Только учтите, что на проверку уйдет время... драгоценное время...

– Да сколько уже раз проверяли, – вздохнул де Брольи.

– И что, мои агенты хоть раз дали неверную, неточную информацию?

– Ни разу, генерал, ни разу.

– Тогда в чем дело? Почему вы мне не верите?

– Я лично верю, верю, – заверил маршала лагеря де Брольи. – Но есть ведь и другие, которые вам ужасно завидуют!

– Так кому вы больше доверяете: мне и моим людям – или моим врагам?

– Ну хорошо, оставим эту тему.

Де Брольи глубоко вздохнул, потер подбородок и сказал с торжественным подъемом:

– Генерал де Лазиски, знайте: я немедленно отошлю сообщение его величеству о столь выдающемся успехе! – И добавил проникновенно: – Франция перед вами в большом долгу, граф...

– Было бы совсем неплохо, если б этот долг был как можно скорее оплачен! – кивнул де Лазиски.

Левая бровь маршала вновь выгнулась.

– Вы на что намекаете, любезный граф?

– Я не намекаю. Вы сами только что сказали об этом, маршал.

– Хм-м-м-м...

– Я вас не вынуждал.

– Хм-м-м-м...

– Точнее, не я вынудил, а факты. Убедительные факты, да!

– А разве вам не кажется, уважаемый граф де Лазиски, что вы, по меньшей мере, невежливы?

– Разве?

– Конечно, Франция в долгу перед вами...

– Не только Франция. И не только передо мною.

– Тогда кто же еще? И перед кем, разрешите поинтересоваться?

– Многие – вот хотя бы Польша и Швеция. А неоплаченный долг ваших государств – перед нашей казацкой нацией и перед моей несчастной родиной. Перед Украиной, маршал, и ее народом.

– Генерал, генерал!..

– Ведь с молчаливого согласия Франции, названных и некоторых неназванных стран и сама Украина, и народ наш брошены на съедение Московской империи, которая сосет из плодородной украинской земли все животворные соки, словно сказочный упырь.

Лицо де Броли помрачнело, словно грозовая туча, однако маршал лагеря продолжил в том же духе:

– Запомните, что я скажу вам, маршал: пока Московия безраздельно властвует на украинских территориях – она останется непобедимой и великой. Только лишь когда возродится единое крепкое казачье государство по обе стороны Днепра – только тогда воцарится в Европе мир и согласие. А до тех пор спокойствия не будет знать ни один европейский монарх...

Де Броли отошел к дальней стенке штабной комнаты, медленно опустился там на стул и спросил:

– Вы все сказали, генерал?

– Таково мое мнение, что поделаешь.

– Почему тогда воюете за Францию? И вы, и ваши казаки-наемники?

– Не знаю, как насчет казаков, но лично я надеюсь, что наш король Луи XV когда-нибудь утешится после смерти королевы Марии Адelaide...

– Генерал, генерал, не забывайтесь! – уловив в словах де Лазиски явную насмешку, де Броли повысил голос.

– Так вот я и говорю: надеюсь только на то, что король наш когда-нибудь прекратит забавляться с юными барышнями в «Оленьем парке»³ и, наконец-то, вернется к государственным делам...

– Будем считать, что я ничего не слышал, – процедил сквозь зубы де Броли.

– Кстати, маршал, что вы думаете по поводу того, что ставка наша находится на улице Олений Брод? Разве в таком совпадении названий не чувствуется горькой иронии судьбы?

– Знаете, генерал, – де Броли грустно вздохнул, – если бы не уникальная агентурная сеть, которой распоряжаетесь вы лично, после всего сказанного вас можно было бы очень просто отстранить как от командования армией, так и от работы в «Секрете короля». А чтобы из ваших мозгов окончательно выветрились ошибочные мысли, сослать как можно дальше...

– Кто же будет снабжать тогда «Секрет короля» уникальными сведениями?

– Поэтому вы останетесь на всех должностях даже после всего сказанного, – сурово молвил маршал. – Но имейте в виду: король – это король, и не нам, верным королевским слугам, критиковать личную жизнь его величества.

– Знаете, маршал...

– В конце концов, чего вы хотите?! Россией правит императрица Елизавета, очень благосклонная к вашей Украине. После визита в Киев она даже пообещала не казнить ни одного малоросса...

– Казака...

– Какая, в конце концов, разница?!

– Для вас, маршал, и в самом деле никакой разницы, тогда как для меня...

– Вот именно, генерал: для вас! Вы все время ставите свое мнение выше мнений других – в этом и есть ваш недостаток, который тормозит вашу же карьеру.

– Я делаю так, лишь когда речь заходит о родной моей Украине. Ведь существование страны важнее, чем благополучие отдельно взятого человека.

– Хорошо, вернемся к вашей земле... Итак, императрица Елизавета публично поклялась не казнить ни одного малоросса и свято придерживается этого принципа.

³ В парижском домике «Олений парк» маркиза де Помпадур устраивала королю Луи XV тайные свидания с пригожими юными девицами, которых лично подбирала маркиза.

– А что будет потом?

– То есть?

– Что случится после смерти Елизаветы Петровны? Эта императрица не вечна, как и любой из людей...

Де Брольи лишь пожал плечами.

– Вот и я не знаю. А потому не постесняюсь напомнить о долгах передо мной, перед всем казачеством и перед всей Украиной даже нашему великому королю, если выпадет такая возможность!

Маршал лагеря улыбнулся и добавил:

– Между прочим, напомнить о старых долгах никогда не поздно. Ведь взятое взаймы все равно остается твоим, только распоряжаются им другие. К тому же, отсутствие своевременных выплат по долговым обязательствам иногда может сломать человеку всю жизнь... Не говоря уже о целой стране...

– Должен заметить, генерал, что ваша смелость граничит с неуважением, – задумчиво промолвил маршал. – Впрочем, уверяю: как только вы вознамеритесь сказать то, что сказали только что мне, в лицо нашему монарху... У вас ничего не выйдет! Ведь не соглашаться с венценосной особой другим людям, хоть каким угодно выдающимся, никак нельзя...

Маршал лагеря вновь улыбнулся.

– Можете не сомневаться, маршал, я не испугаюсь и не постесняюсь. Ведь одному европейскому монарху я когда-то уже напоминал о его долгах перед казачеством...

*12 декабря 1717 года от Р. Х.,
Швеция, Стокгольм*

– Ну, и как тебе зрелище?

– Что?

– Как тебе наша столица? Нравится?

Григорий задумчиво смотрел на собеседника, который аж сиял от искреннего восторга. По всему было видно, что Густав очень любит свой город и гордится им. Тем не менее, к величайшему сожалению, он не видел сказочной красоты Батурина – гетманской столицы в период ее расцвета...

Впрочем, Батурин давно уже сожжен князем Меншиковым, тогда как Стокгольм – вот он, прямо за окном кареты! Да и Григорий видел Батурина глазами ребенка, а в детстве все представляется сказочно-прекрасным. Как он еще несколько лет тому назад гордился своей детской сабелькой, считал ее настоящим оружием... Достаточно было понюхать пороха на настоящей войне – и детские иллюзии окончательно выветрились из головы. Не исключено, что такие же иллюзии Григорий по сей день лелеет и относительно «сказочного» казацкого Батурина.

Но все-таки, что же ответить Густаву?..

Если заметить: «Друг мой, вот видел бы ты Батурин!» – тот обидится.

Если сознаться откровенно: «Друг, припомни-ка, я уже бывал здесь раньше, потому ничего нового за окном не вижу», – Густав этого не поймет.

Если напомнить: «Я ведь даже с его величеством королем Карлом знаком лично. Более того – успел повоевать за Швецию, вместе с другими гвардейцами-фенрихами обороняя крепость Штральзунд⁴», – опять-таки обидится, причем еще сильнее...

В конце концов Григорий дипломатично произнес:

– О-о-о, да, да... Но до Рождества остается еще две недели – представляю, каким прекрасным станет Стокгольм в праздничные дни!

Густав так и просиял, радостно воскликнув:

– Ты нисколько не ошибся, друг Григор! Кстати, не забудь, что я пригласил тебя на праздник – значит, на Рождество ждем тебя.

– А не боишься, что я поведу себя, словно Юлий Цезарь?

– То есть?

– Что покорю всех твоих домашних, – улыбнулся Григорий и прибавил: – Veni, vidi, vici⁵.

⁴ Это произошло за два года до описываемых событий – в 1715 году (см. *Хронологическую таблицу*).

⁵ Лат. «пришел, увидел, победил» – слова Гая Юлия Цезаря из его послания к древнеримскому сенату по поводу победы

Густав искренне рассмеялся:

– Скажу лишь одно, друг мой: если даже так и случится, ты достоин подобной победы. Иначе не был бы моим товарищем. Ведь завоевать благосклонность сына шведского канцлера – дело нелегкое...

– Знаю, друг мой, знаю.

– Так и произошло: пришел ты на кафедру профессора Регелиуса, увидел Густава Миллерна – и покорила его своим умом и вежливостью.

– Может быть, ты жалеешь?

– Григор, Григор, что ты такое говоришь!

В подобном непринужденном духе болтали до самого королевского дворца. Напоследок еще раз напомнив о рождественском приглашении, Густав высадил Григория и приказал кучеру ехать дальше. Через несколько секунд карета затерялась в лабиринте улочек, выходящих на площадь. Григорий обернулся к преисполненному мрачным величием сооружению, склонил голову на бок, прищурил левый глаз и посмотрел на дворец так, словно это была крепость, которую необходимо взять штурмом.

В определенном смысле так оно и было... Только «победить» он должен не дворец, а его королевское величество Карла XII. Так как на самом деле от сегодняшнего визита зависела дальнейшая судьба не только самого Григория, но всей семьи гетмана Орлика. Пока отец занят благородным делом освобождения украинских земель от московских поработителей, кто-то же должен проявлять заботу о его жене и остальных детях...

Кто-то – это именно он.

Григорий Орлик, старший сын супружеской четы Орликов.

Поправив одежду, юноша направился к ближайшему из охранявших дворцовые входы гвардейцу и, протянув бумагу с личной подписью и печатью Миллерна-старшего, сказал:

– Его величество назначил мне на сегодня аудиенцию. Пожалуйста, проведите меня к его высочайшей милости канцлеру, как сказано в этой записке.

Миллерн-старший встретил Григория в небольшой хорошо освещенной внутренней комнате, придирчиво осмотрел с ног до головы, пробормотал:

– Вид скромный, но приличный... Как и писал Густав, вы производите хорошее впечатление, юноша.

Потом выдержал небольшую паузу и осторожно добавил:

– По крайней мере, на первый взгляд. Ну хорошо, давайте подготовимся к аудиенции...

Когда мальчик снял верхнюю одежду, канцлер снова придирчиво осмотрел его, попросил повернуться так и этак. Еще бы: ведь сейчас этому первенцу благородной, но все же окончательно обнищавшей супружеской четы надлежало предстать перед глазами его величества – значит, все должно быть идеально!

Григорий предвидел, что приблизительно так и произойдет. Он в самом деле заготовил... кое-что не совсем благовидное, но, ясное дело, не спешил демонстрировать это немедленно: ведь предназначался «сюрприз» для королевских глаз, а не канцлерских. Когда они шли на аудиенцию, юноша незаметно вытянул булавку из манжеты на левом рукаве рубашки, быстро заколол ее под ворот камзола, а манжету незаметно зажал мизинцем и безымянным пальцем левой руки. Едва успел проделать это, как канцлер посмотрел на него и тихо сказал:

– Пришли.

Сразу же слуга, шедший впереди, распахнул тяжелые резные двери. Оттуда прозвучало:

– Его высочайшая милость канцлер Миллерн и господин Орлик!

Так вот, очень просто и незатейливо: «Господин Орлик»! Словно бы он вовсе не был юным гетманом, потомком правителя украинских земель... хоть и в изгнании.

С другой стороны, возможно, прислужнику просто тяжело выговорить чужеземный титул – «гетманых»? В любом случае, требовать большего сейчас не время. Главное, что он таки добился королевской аудиенции. Сам добился – то есть не благодаря отцу, а исключительно через личное знакомство с юным Густавом Миллерном. Только бы воспользоваться ситуацией...

Об этом думал Григорий, вместе с канцлером вежливо склоняясь перед королем, который, не поднимаясь с трона, ответил коротким кивком головы.

– Ваше величество, разрешите представить вам Григора Орлика, студента Лунденского университета, соученика моего сына, – вежливо сказал канцлер, когда посетители раскланялись с Карлом.

– А мы, собственно, давненько уже знакомы, – ответил король, внимательно присматриваясь к юноше. – Если не ошибаюсь, еще со времен моих гостин в Бендерах...

– У вашего величества прекрасная память... – подхватил Григорий.

– Та-та-та, сразу с комплиментов начинаете, молодой человек. – Карл резко хлопнул в ладоши, приказывая юноше умолкнуть. Но про себя Григорий отметил, что королю его слова приятны. – Ну скажите, почему бы я не запомнил старшего брата моего крестника Якоба Орлика?!

– Тем не менее, вашему величеству есть о ком вспоминать и без меня. За десяток бурных лет, прошедших в ратных и государственных делах...

– О-о-о да, вы правы: славное время, преисполненное славных дел!

Карл вопросительно оглянулся на канцлера, господин Миллерн почтительно кивнул.

– Впрочем, если моя память, которую вы сразу же похвалили, не предает своего хозяина, мы виделись и после Бендер? – спросил король.

– Совершенно верно, ваше величество. В тот раз меня зачислили фенрихом в гвардию, и я имел честь служить вашему величеству, принимая участие в обороне Штральзунда.

– Да-да, вы стали гвардейцем... А каким же образом оказались в Лунденском университете?

– Прослужив год, ушел из гвардии.

– Неужели войны испугались? – наморщил лоб король.

– Ничуть нет, ваше величество!

– Ответ, достойный настоящего солдата. Но поступок разнится с ответом! Почему оставили военную службу? Объяснитесь, прошу.

Григорий попробовал оценить ситуацию. Здесь бы и заявить его величеству прямо и откровенно, что семья Орликов настолько обнищала, что родители так и не смогли заказать старшему сыну приличного мундира, поэтому он выглядел в сравнении с другими гвардейцами «белой вороной». Но говорить такое в самом начале беседы... и вот так, в глаза... Нет-нет, так можно все испортить! И Григорий сказал:

– Зачем вашему величеству необразованные солдафоны? Разве не лучше овладеть разнообразными науками, а уже потом добывать саблей военные победы для славы вашего величества?

– Гм-м-м... – Король отклонился немного назад и, не сводя придирчивого взгляда с юноши, спросил у канцлера: – И что вы на это скажете, Миллерн?

– Скажу, что теперь не удивляюсь, почему в письмах моего Густава столько внимания уделялось этому юноше.

– Хорошо, – Карл хлопнул в ладоши и позвал лакеев: – Стулья для обоих гостей, быстро!

Когда они уселись рядом с тронном, король вдруг обратился к Григорию на латыни:

– По-шведски вы, молодой человек, разговариваете удивительно чисто, по крайней мере, я акцента не заметил. А вот хорошо ли усвоили благородный язык поэтов, философов и дипломатов?

– Надеюсь, что так... хотя об этом следовало бы спросить не покорного слугу вашего величества, а моих достойных учителей, – юноша столь же непринужденно перешел на латынь.

– А знаете, канцлер, он мне нравится все больше, – сказал Карл Миллерну, а потом продолжил: – Теперь расскажите-ка подробнее о состоянии дел вашей благородной семьи. И пожалуйста, на латыни, на латыни...

– Что же интересует ваше величество прежде всего: мои университетские успехи или состояние дел моих близких?

– И то и другое, – улыбнулся король. – Я давненько не видел не только вашу матушку, но и отца, моего храброго приятеля Филиппа Орлика. Как им здесь живется?

– Но ваше величество! Не говоря о том, что мой благородный отец постоянно находится в разъездах, опекаясь делом возвращения казачества на родную Украину... Итак, отца я не видел более года... наверное, как и ваше величество...

– Ну и что?

– Кроме того, я уже несколько месяцев не был дома, поскольку живу при университете. Поэтому все, что знаю о матушке, братьях и сестрах, – все это вычитал в письмах доброй моей матушки Ганны...

– Ну а мне даже писем не пишут! – пожал плечами король. – Поэтому рассказывайте, юноша, рассказывайте поскорее и не заставляйте меня ждать слишком долго. Ведь я – само внимание...

Пришлось рассказывать. Его величество Карл слушал внимательно, не прерывая, только время от времени обменивался многозначительными взглядами с канцлером Миллерном – как заметил Григорий, когда речь шла о делах гетмана Орлика и казаков-изгнанников.

Когда в непринужденной беседе прошло минут двадцать, Григорий решил, что пора приводить в действие неблагоприятный «сюрприз». С рассказа о семье он незаметно перешел к общей оценке политических раскладов в Европе и к дальнейшим перспективам ведения Северной войны, а от этого – к тонкостям изучения в университете военного дела и, эмоционально взмахнув руками, отпустил два прилично сомлевших пальца левой руки. Разорванная манжета, которую ничто уже не удерживало, развернулась наподобие белого капитулянтского флага. На лице канцлера Миллерна появилось такое выражение, словно он разжевал горсть горького перца.

– О-о-о, юноша! А это что такое? – король мигом оживился и указал на разорванную манжету.

– Где? – Григорий проследил за взглядом его величества, а когда «увидел» поврежденную одежду, изобразил на лице смесь досадного удивления и огорчения. Похоже, это ему вполне удалось, поскольку Карл недовольно процедил сквозь зубы, с благородной латыни мигом перейдя обратно на шведский:

– Вот как вы, юноша, приготовились к столь важному визиту?!

Бросив короткий взгляд на Миллерна (казалось, канцлер был готов непристойно ругаться), Григорий напряг мышцы нижней челюсти (от чего она мелко задрожала), придержал дыхание и словно через силу пробормотал:

– Извините, ваше величество, я же не нарочно... То есть, она не нарочно...

– Кто – она?!

– Манжета...

И резкими порывистыми движениями юноша стал заправлять разорванную манжету в рукав камзола.

– При чем здесь она?! – пришел в негодование Карл. – Ваша рубашка – это всего лишь ваша вещь, за состояние которой отвечает ее хозяин!

– Извините, ваше величество...

– Ох, юноша, юноша! Едва лишь вы начали мне нравиться, как вдруг...

Карл раздраженно хлопнул ладонью по колену и спросил:

– Ну объясните, пожалуйста, у вас что, нет более приличной рубашки, чем эти лохмотья, которые рассыпаются буквально на глазах вашего короля?!

– Ваше величество могут не поверить... тем не менее, это моя лучшая, новейшая рубашка, клянусь честью! – горячо вскрикнул Григорий. Это была чистая правда. За исключением лишь одной детали: конечно, юноша не мог сказать, что утром собственноручно разорвал левую манжету, а потом аккуратно сколол ее булавкой, чтобы это не обнаружилось преждевременно – только в нужный момент аудиенции.

– В самом деле? Хм-м-м...

Карл неожиданно задумался, потом сказал:

– Но если у молодого гетманьча, старшего сына лидера казацкой нации гетмана Орлика, нет более приличной рубашки в такой важный день, как...

После этих слов в тронном зале воцарилась тяжелая тишина. Король сверлил юношу придирчивым взглядом. Канцлер смотрел на него, словно на розу, которую ярмарочный фокусник вытянул из шелкового платка. Григорий сделал каменное лицо и почти не дышал.

– Скажите честно, юноша, каково состояние дел вашей благородной семьи? – спросил наконец Карл. – Только не повторяйте в который раз, что у вас все хорошо...

– Не знаю, что и ответить вашему величеству, – честно сознался юноша. – Могу лишь повторить, что сам не видел добрую мою матушку, братьев и сестер уже несколько месяцев. А относительно манжеты... Поверьте, ваше величество, еще вчера она была целой ...

(Между прочим, это была чистая правда!)

– ...и еще можете верить, что это – самая новая, наилучшая моя одежда! Просто я думаю, когда ваше величество находились в затяжных походах, то также носили один и тот же мундир на протяжении многих дней и месяцев.

– Черт побери! – не выдержал король. – Относительно мундира на войне вы, гетманьч, таки правы! Но вы же сейчас не на войне! К тому же, ваша добрая матушка могла бы прислать вам денег...

– Извините, ваше величество, но пока казаки находятся в изгнании, считайте, что наша война против московского царя Петра продолжается, – теперь Григорий говорил, горделиво подняв подбородок. – Что же касается денег от матери... Ваше величество, я даже, рискуя впасть в немилость перед всемогущим Карлом Шведским, не стану грабить свою семью. Лишней копейки с них не возьму! Пусть лучше братьям и сестрам перепадет. Да...

Снова в зале воцарилась напряженная тишина. Казалось, что все необходимые слова уже сказаны. И все же Григорий в мыслях умолял: «Ну-ка, ваше величество, упомяните об общине! Ну, пожалуйста, упомяните!» – это был бы очень, очень уместный последний штрих.

Неизвестно, становится ли мысль материальной или же все это глупые рассказы... Тем не менее, после некоторого молчания король произнес тихо и медленно:

– Хорошо, молодой человек, оставим ваших близких... Но разве другие казаки не способны поддержать своего предводителя и его семью?

Неимоверным усилием воли Григорий сохранил на лице беспристрастное выражение, когда отвечал:

– Ни в коем случае, ваше величество, мои благородные родители не примут помощи от общины. Ведь подавшись из Украины вслед за вашим величеством, казаки оставили все имущество, которое сейчас реквизировано захватчиками-московитами. Единственное их и наше богатство – это военная казна, да и та почти опустела. Поэтому да отсохнет рука того, кто посягнет на эти деньги, предназначенные прежде всего для освобождения святой нашей Украины!..

Здесь Григорий цокнул языком, вздохнул и после очень недолгой, но выразительной паузы добавил:

– Да и не к лицу семье светлейшего гетмана жить лучше других, когда община бедствует. Нет-нет, ваше величество, мои благородные родители правильно делают, что не принимают и никогда не примут помощи от общины. Наоборот – будут помогать другим, чем только смогут.

Странное молчание воцарилось после этого в тронном зале. Карл вцепился руками в трон так, что аж побелели пальцы и привстал, дыша тяжело, с присвистом. Удивленный столь драматической реакцией Миллерн ошеломленно поглядывал то на одного, то на другого. А Григорий смотрел просто в глаза королю таким ясным и чистым взглядом, что заподозрить в его словах любой скрытый подтекст было никак невозможно...

Но подтекст ведь был, да еще какой!

«Пусть отсохнет рука того, кто посягнет на средства военной казны!»

Григорий хорошо рассчитал последний удар: ведь однажды случайно узнал от отца, что незадолго до Полтавской битвы покойный гетман Мазепа одолжил Карлу немалую сумму из военной кассы. Находясь продолжительное время вне границ родной Швеции, король стал ощущать недостаток денежной наличности, а ему ведь приходилось платить солдатам. Мазепа пошел на эту жертву, хотя в результате лишился поддержки запорожских казаков – так как теперь сам не имел, чем заплатить своим войскам... Вот так при нем остались только сердюки и небольшое количество самых преданных сторонников, которых во время Полтавской битвы держали в тыловом резерве, так и не бросив в бой.

Без сомнения, Карл помнил об этом займе. И сейчас, очевидно, в который уже раз вспомнил, что до сих пор не возвратил одолженное. Но ведь король не знал, известно что-то Григорию об этом неблагоприятном деле или юноша чистосердечно рассуждает вслух о казацкой чести и благородном долге освобождения отчизны. Хуже всего, что король не мог спросить откровенно: «Вы намекаете на мои и покойного гетмана Мазепы денежные расчеты?» – поскольку если гетманч разглагольствовал просто так, без всяких задних мыслей, Карл тем самым разоблачил бы себя с головой.

Молчание стало гнетущим. Король медленно опустился на трон, откинулся на спинку, вытер густой пот со лба и сказал:

– Хорошо, молодой человек, теперь я имею полное представление о неутешительном положении казацкой общины, вашей благородной семьи и вашем лично. Благодарю вас, Миллерн, – он искоса взглянул на канцлера, проверяя его реакцию, – благодарю за то, что нашли возможным представить мне юного гетманчыка Орлика. Признаюсь, сегодня я словно бы впервые познакомился с ним, хотя на самом деле мы знакомы уже давно. Что же касается вас, юноша...

Карл на секунду задумался, потом торжественно изрек:

– Обещаю, что в ближайшее время вам подыщут соответствующее прибыльное место на государственной службе – таково мое королевское слово!

– Но, ваше величество, а как же быть с моим обучением в Лунденском университете?! – изумился Григорий. – Я стремлюсь овладеть всеми необходимыми науками, лишь бы как можно лучше послужить вашему величеству...

– Не волнуйтесь, молодой человек, вам подыщут место таким образом, чтобы вы могли одновременно продолжать университетские занятия.

– Благодарю, ваше величество!

Григорий буквально взвился со стула, но поклониться в знак благодарности так и не успел, поскольку король остановил его властным жестом и продолжил:

– Погодите, это еще не все... Учитывая особое положение благородной семьи верного моего соратника и храброго приятеля гетмана Филиппа Орлика, я решил назначить его семье специальный пенсион согласно статусу. Прошу вас, канцлер, лично проследить за исполнением. Лично проследите, понятно? Ведь это – мой королевский дар единомышленникам и верным слугам шведской короны.

Потом воздел вверх указательный палец правой руки и закончил:

– Запомните мои слова, молодой человек: когда-нибудь вы станете выдающимся дипломатом... при ваших знаниях латыни и некоторых других талантах! Это говорю вам я – Карл XII, Божьей милостью король славной Швеции... Вот теперь сказано все, что нужно. Теперь можете благодарить, разрешаю.

Григорий не поскупился на поклоны и комплименты. Король замер на троне в величественной позе античного бога, канцлер наблюдал за обоими с нескрываемым удивлением – поскольку так и не понял, что же произошло прямо у него на глазах. Хотя ясно почувствовал: что-то таки произошло...

После Миллерн провел юношу назад во внутреннюю комнатушку, подтвердил, что теперь не только юный Густав, но и сам шведский канцлер от своего имени приглашает юного гетмана Орлика на празднование Рождества. Добавил на прощание:

– Не знаю, каким именно образом вы приворожили его величество. Но, без сомнения, нужно иметь незаурядные таланты и характер, чтобы добиться такого...

Возле дворцовых ступенек Григория ожидал экипаж: Миллерн распорядился отвезти его домой. Однако юноша приказал кучеру ехать в другое место, на окраину... туда... туда!..

Да, прежде всего о сегодняшнем успехе хотелось сообщить совсем другим людям... Пожилому казаку и его красавице-дочери. Ведь в ближайшее время Григорий надеялся назвать Семена Пивторака вторым отцом, а его доченьку, красавицу Софийку – любимой женой! Теперь, когда сам король Карл распорядился подыскать юноше доходное место, не грех и сватов засылать. Э-э-эх, и ушкварят же они свадьбу! Узнает шведская столица, как умеют гулять казаки!

Впрочем, овеванный мечтами дом на окраине, так часто грезившийся во сне, выглядел с улицы нежилым, потому что все подходы к нему напрочь замел густой снег. Было уже темно, поэтому только подъехав совсем близко, юноша убедился, что даже дымок над дымовой трубой не вьется. Приказав кучеру подождать, Григорий подбежал к дверям и принялся изо всех сил колотить в них кулаками. Ответа он так и не получил, кроме печального эха... Интересно, что это значит?!

Предчувствуя недоброе, юноша обошел вокруг дома, присел около штабеля дров, разгреб снег возле крайнего чурбана, отодвинул в сторону досщечку, начал искать в тайнике...

Слава тебе, Господи – там и в самом деле лежал небольшой кожаный мешочек.

А в нем – бумага!

Весть от любимой...

Но...

Нет-нет, что-то не так! Почему-то слишком толстым казалось на ощупь письмо в мешочке... Софийка плохо знала грамоту (и Григорий надеялся исправить этот ее недостаток), а потому обычно едва выводила несколько обнадеживающих кротких слов. Здесь же...

Осторожно, чтобы не уронить письмо в снег, Григорий вытянул мешочек из тайника, вынул из него не один, а сразу три листа, расправил и начал рассматривать в бледном сиянии луны. Бумаги оказались исписанными не маленькими Софийкиными кривульками, а широким уверенным почерком.

Что-о-о?! Так это не от Софийки письмо, а от самого Семена Пивторака? С чего бы это девушке выдавать отцу секрет тайника? В последнее время пожилой казак относился к потенциальному зятю не слишком любезно. Оно и понятно: ведь Орлики бедствовали, как и все изгнанники, – такой ли уж желанной партией был Григорий для его красавицы-дочери? Воображение незамедлительно подсказало объяснение: небось, нашел для Софийки другого жениха – не иначе!!!

Перед глазами у Григория потемнело, словно ясный месяц вдруг исчез с небосклона. Могучим усилием воли он все-таки удержался на ногах, разравнял листы бумаги и начал читать.

Но после прочтения первых же строк в голове снова помутилось...

Только на этот раз не от ревности...

Вот что было в том письме:

Самозванного гетмана выродок и жидовский байстрюк!

Если читаешь сейчас это, то наконец-то знаешь, как я тебя, сукиного сына, презираю и ненавижу. Знай же, что я был против, когда казацкий совет в Бендерах избрал коварного твоего отца гетманом. Так, коварного – ведь благодаря одной лишь лести и подлости подкрался он к истинному нашему гетману, великому Ивану Мазепе, засыпал его нечестивыми деньгами, нажитыми торгашеством. Лучшие бы избрали гетманским наследником Мазеппино племянника – светлейшего Андрея Войнаровского, но Пилипко Орлик медоточивыми устами своими болтал, болтал, вот и победил! Да вдобавок и нечестивым торгашеским золотом разбрасывался на все стороны – а где теперь у него, да и у казаков золото это?! Растаяло и растеклось, будто бы снег по весне. Иначе и быть не могло, если нечестивые грошики нажиты в союзе с проклятым чертом...

Знай же, байстрюк, если не ведаешь о том до сих пор: дед твой Павел Герцик был гольтьбой даже среди чертового жидовского племени, торговал на базаре в Полтаве гвоздями. А когда увидел, что скорее гвозди те грызть начнет и с голода подохнет, чем с той торговли прокормится – коварно выкрестился в честную веру христианскую сам, всю семью свою чертову выкрестил, быстро разбогател на делишках с казаками, выбился аж в полковники, а всех своих выроdkов попристраивал с выгодой в православные семьи. Недаром ведь люди говорят: жид ни пашет, ни сеет, а одним обманом живет – так и дед твой чертов поступил.

И с курвою Ганькой своею Герциковной быстро окрутил, проклятый, глупого плюгавого писаря Пилипка, после чего тот сразу втерся в доверие к Мазепе, хотя талантов не имел даже с гулькин нос. А все его таланты мигом появились благодаря лишь тому, что через перекрещенную ведьму Ганьку спознался с самим Луципером.

А что ж теперь? Завел всех честных казаков, которых покойный гетман Мазепа оставил под его рукой, аж в самую Швецию да и бросил здесь подыхать от голода – повел себя, словно нечистая свинота. А чтоб уж никто не мог ничего поделать – перекинулся на аспид с раздвоенным отравленным жалом вместо языка, выдал бывшего своего кровного брата и настоящего гетманского наследника Андрея Войнаровского московским собакам⁶, которые схватили этого достойного рыцаря и уже, небось, живьем разодрали в нечестивом своем Петербурге.

⁶ За год до описанных событий, в 1716 году, агенты российского генерал-прокурора Ягужинского выкрали в Гамбурге племянника гетмана Ивана Мазепы Андрея Войнаровского и переправили его в Москву (см. *Хронологическую таблицу*). Войнаровский в этот момент выполнял очередное поручение гетмана Орлика, но заболел, чем и воспользовались московские агенты.

Итак, остается одно из двух: либо здесь, в Стокгольме, со всей семьей Богу душу отдавать – либо же броситься в ноги московскому царю Петру и униженно умолять о милости к нам, подло обманутым самозванным гетманом Орликом. Выбираю последнее, на том проклинаю день и час, когда поверил тому, кто проданся нечестивому племени. Спознался с вами писарь Пилипко, завел всех казаков на чужбину – здесь ваши могилки дождем размывает, ветерком развеет так, что и видно не будет. Недаром же говорят люди: ни одного перекреста могилки не видно! А с кем поведешься, от того и наберешься... Так вот и верь вашему чертовому племени!

И ты, немогущий плюгавец, писаря Пилипка и курвы Ганьки сын, тоже здесь подохнешь, словно пес шелудивый. А непобедимым львом тебе, писарчику-писарчику, никогда не стать – поскольку жид жидом всегда смердит. На том тебя проклинаю, как и свое прежнее намерение породниться с хриstopродавцами. Хорошо, что в последний миг прозрели ослепленные очи старого казака! Теперь тебе, шуту, не видать Софийки моей, как спиленных рогов лущиперовых на темени твоём.

Надеюсь, не к нечестивому католическому, а к честному православному Рождеству будем уже на родной земле стоять и Бога молить, чтобы покарал Он всех вас, паскуд, и чтоб вы всем скопом как можно скорее отправились в самый ад с чертями, братьями вашими, в котлах со смолой кипеть, на раскаленных сковородках голыми задницами скакать и на жару тропак танцевать! Никогда я не верил вам, выкрестам, – но вам, выродам поганым, верил славный гетман Мазепа, приходилось повиноваться. Хотел жить с вами в согласии, даже нечистый едва не подбил породниться с вашим ничемным племенем. Но теперь – не выйдет!

Проклинаю вас. Чтоб вам пусто было, пусть всех вас на том родимчик хватит!

*Писано настоящим казаком и
честным христианином **Семеном Пивтораком**
в шведском стольном граде Стокгольме,
в падолисте⁷ 1717 года от Рождества Христова.*

Григорий вновь и вновь перечитывал позорное послание, по несколько раз подряд вглядывался в каждое обидное слово... неизвестно зачем!

Может, его чрезвычайно поразило то обстоятельство, что искал в тайнике весточку от любимой невесты, а вместо того нашел там... вот это?!

И главное – за что?!

Как объяснить яростный приступ злости, под влиянием которого только и можно написать что-то подобное?! Разве что у старика в голове помутилось от здешней безрадостной, бесприсветно-серой жизни, не иначе...

Так как же быть? Может, вызвать его на смертельный поединок и, прежде чем перерезать ему глотку, заставить извиниться за каждое лживое слово? Конечно, ищи теперь ветра в поле...

Попробовать догнать его не ради мести, а лишь для того, чтобы вернуть невесту свою Софийку? Может, узнав о доходном месте на королевской службе, Семен Пивторак опомнится, извинится, отпустит дочь к нему... Но если девушка выдала отцу сокровенный тайник, то, скорее всего, разлюбила своего Григория... поверила каждому слову обмана!

Так зачем же читать и перечитывать... сохранять в памяти все это...

Это!

⁷ Ноябре.

Это!..

Насилу Григорий пришел в себя. В самом деле, не стоять же на заднем дворе давно опустевшего дома – так и замерзнуть недолго: декабрь все ж таки!

Да, декабрь.

Письмо же написано по крайней мере месяц назад.

Значит, Семена Пивторака уже ни за что не догнать, Софийку не вернуть...

Остается одно-единственное: ехать домой и передать рождественские королевские подарочки матушке, братьям и сестрам. Это – его семья, когда отец отсутствует по делам, он здесь старший, а значит и на нем вся ответственность и забота... Пусть же будет, как есть!

Решительным шагом Григорий вернулся к экипажу, разбудил кучера, который, съезжившись от лютого холода, дремал на передке, и приказал наконец-то отвезти его домой. По дороге надежно спрятал письма в кожаный мешочек, а его повесил под рубашку на грудь рядом с малюсеньким деревянным крестиком, растер лицо, попробовал растянуть губы в искренней улыбке. Когда понял, что на искреннюю улыбку ну никак не похожа – снова и снова растирал лицо и растягивал губы, пока не удовлетворился результатом.

Дома юношу встретили очень тепло и на удивление радостно. Когда же услышали о назначенном Карлом пенсионе – тогда матушка и все четыре сестры едва не задушили Григория в объятиях. Еще бы: это означало, что нищенское житейе наконец-то кончится! Матушка авторитетно заметила, что непременно станет жертвовать десятую часть пенсионна на потребности всей казацкой общины – ведь не может такого быть, чтобы гетманской семье все, а другим ничего! Маленький Яшунька носился по дому и радостно улюлюкал. Лишь Михайлик повел себя рассудительно, сдержанно пожал Григорию руку и сказал совсем как взрослый:

– Поздравляю, брат! Ты молодец, я тобой горжусь.

И уже глубокой ночью, когда все улеглись спать, юноша остался в гостиной в одиночестве. Только тогда решился достать проклятое письмо. В последний раз перечитал написанное, бросил все до единой бумажки в раскаленный камин и подгрел кочергой из глубины добрую кучу углей.

Вдруг позади скрипнули половицы.

Оглянулся...

Это была матушка.

– Григорий, ты знаешь... – Ганна замолчала, не отваживаясь продолжить.

– Знаю, – утомленно буркнул он в ответ.

– Что именно?

– Что Семен Пивторак месяц назад убрался отсюда в Московию. И что всю семью забрал с собой.

Григорий перевел взгляд на камин: присыпанные жаром, там пылали исписанные обидными словами листы. Вот и замечательно...

– Откуда тебе известно?..

Однако Ганна уже приблизилась вплотную к сыну и увидела через его плечо дотлевающее письмо.

– Вон откуда, – Григорий брезгливо поморщился, ткнул кочергой перед собой – в камине вспыхнуло облачко пепла.

Вот и все, что осталось от обидного послания.

Вот и все...

Конечно – кроме кровоточащей раны в душе!

– Что там было, в письме том? – только и спросила мать.

– Это уж мое дело, матушка.

– Григорий, как ты...

– Да, мама – мое дело, и более ничье, – стоял на своем юноша.

– Но я имею право знать...

– Лучше вам этого не знать, матушка моя дорогая, поверьте уж мне.

Как вдруг... От столь отвратительной догадки кочерга едва не выпала из мигом ослабевших пальцев. Григорий крепко стиснул зубы и процедил:

– Неужели этот негодяй и вам осмелился наговорить то же, что и мне понаписывал?! Если только это правда!..

Григорий крепко сжал кочергу, словно то была казацкая сабля. Но Ганна лишь горделиво воздела подбородок, загадочно улыбнулась и сказала:

– Я, сынок, все ж таки жена светлейшего казацкого гетмана, поэтому не позволю всякой разной сволочи обижать ни себя, ни свою семью! И тебе не советую позволять такого. Да, не все, ой, далеко не все будут любить тебя, станут ценить твои добродетели – но если кто-то даже изречет нечто обидное и ты не в силах будешь ответить...

– Что же тогда?

– Советую тебе, сыночек, переступить через злые слова и просто делать свое дело. Со временем люди увидят, кто был подлым притворщиком, а кто – поборником чести. Мой муж и твой благородный отец – казацкий гетман, ты – старший гетманыч. Мы должны быть выше любых оскорблений, сынок, запомни это. Хорошо запомни...

– А вот я... – юноша потупился и молвил: – Да, мама, похоже, я таки позволил себя обидеть...

– Да, сынок, – позволил. И не тогда, когда читал то письмо... хоть я и не знаю наверняка, какие именно слова написал в отчаянии Семен Пивторак. Ты поддался ему, когда впитал душой весь обман, теперь обернувшийся пеплом. Это будет тебе уроком, сыночек. Ты выиграл сегодня словесную баталию у самого короля Карла... и все-таки ты, Григорий, еще почти ребенок! Ничего страшного, тебе этот промах можно извинить.

Она прислонилась к спине Григория, попробовала по-матерински нежно обнять его за плечи. На один-единственный миг юноше захотело принять эту ласку, ощутить себя маленьким и беззащитным... И все же он сразу вспомнил, что вернулся в семью в качестве старшего (после отсутствующего отца) мужчины, а потому, пошевелив плечом, легко сбросил материнские руки и сказал:

– Вы, мама, можете простить мне все что угодно – поскольку я есть плоть от плоти вашей. Но я не могу простить сам себя!

– Григорий!..

– Но это ничего, это ерунда. В следующий раз обещаю хорошенько помнить ваши слова... и не пускать обиду в душу свою. Более того – попробую ни за что не допустить такой ситуации, как вот сейчас.

Ганна немного помолчала, а потом тихо сказала:

– Ты взрослеешь, сынок. Взрослеешь.

– Благодарю вас, мама. Только...

– Что, сыночек?

Григорий помолчал немного, колеблясь, но все ж таки спросил:

– Скажите мне одно-единственное: почему так бывает в жизни, что все шло, казалось бы, очень хорошо... Что вот спешишь к людям с прекрасной радостной вестью... Как вдруг оказывается, что тебя давно уже проклинали и нести радость некому?!

– Что, разве совсем никому не нужна была твоя весть?

– Но ведь Семен Пивторак навсегда увез Софийку отсюда...

– А мы? – улыбнулась Ганна.

– Но ведь сердце мое разбито, матушка!

– Ой, Григорий, Григорий! Пусть в тринадцатилетнем возрасте ты не молился за общину, зато успел саблей помахать, как надлежит настоящему взрослому казаку – поскольку каждый

народ имеет свои, лишь ему присущие традиции⁸. Теперь тебе уже пятнадцать, ты даже милость в монарших очах снискал... но кое в чем остаешься ребенком даже до сих пор! – вздохнула Ганна. И поскольку сын ничего не ответил, продолжила: – Говорю тебе, упрямец: переступи через оскорбление и делай свое дело! Делай – и не обращай внимания на других. Так случилось – ну, значит, этого уже не изменить. Значит, так и должно было случиться. У тебя впереди долгая славная жизнь, сыночек, ты еще научишься...

– Вы уверены, мама?

– Уверена. Материнское сердце не врет. Позже поймешь...

Они еще долго молча стояли бок о бок. Стояли и наблюдали, как тлеет жар на том месте, где сгорело обидное письмо Семена Пивторака.

⁸ Намек на происхождение Григория по материнской линии: с наступлением тринадцатилетия еврейские мальчики проходят бар-мицву (инициацию). Во время обряда раввин впервые приглашает юношу публично прочитать в синагоге субботнюю главу Торы, после чего провозглашает благословение: «Мазлтов!» – и с тех пор мальчик считается полноправным взрослым мужчиной. Одновременно Ганна дает сыну понять, что хотя текста сожженного письма не читала, однако имеет определенные подозрения относительно «акцентов», расставленных в нем старым Семеном Пивтораком.

Глава 3. Роза от Жанны

*Начало марта 1759 г. от Р. Х.,
Франкфурт-на-Майне, временная квартира одного из командующих французским вой-
ском —
графа Григора Орли де Лазиски*

За окном не было ничего интересного: так, неширокая городская улочка, заметенная снегом... Пока светло, не следует медлить. Нужно написать письмо сейчас, так как потом придется скрипеть пером при свече и свете камина. Конечно, писать в сумерках романтичнее, но уже не будет светлого дневного расположения духа. Он же хотел, чтобы жена прочитала не «вечернее», но «дневное» письмо...

Интересно, замечал ли кто-либо, что утром, днем и вечером один и тот же человек может написать три абсолютно разных письма – если даже будет писать об одном и том же? Расположение духа, расположение духа – вот в чем дело! Пусть же на бумагу лягут слова, которые соответствуют именно полудню.

Улыбнувшись столь странным мыслям, шевалье Орли провел рукой по чистому листу бумаги, пододвинул поближе чернильницу, обмакнул в нее гусиное перо и вывел красивым ровным почерком сверху имя адресатки. Не спеша перечитал написанное, скосив голову, прибавил к буквам самого дорогого в мире имени пару завитков, удовлетворенно крикнул и продолжил:

Любезная повелительница моего сердца, милая моя, любимая госпожа Елена!

Вот уже целых два месяца стоим мы на зимних квартирах во Франкфурте, что на реке Майне. Квартируем неплохо: дома теплые, продовольствия вдоволь, население ведет себя довольно сдержанно, без лишней ненависти – в общем, жаловаться просто грех. Бывало на моем веку, кстати, значительно хуже, но ведь Господь Бог милостиво не допустил, чтобы на этот раз мы чувствовали недостаток хотя бы в чем-нибудь. Бог же позволит, надеюсь, вот так и до теплых дней дожить.

Одно лишь мучает – тоскливо, тоскливо на душе от вынужденной бездеятельности! Город я исходил, кажется, вдоль и поперек, изучил каждый дворик, все улицы и переулочки до последнего камешка. Франкфурт описан в письмах к тебе, мое сердечко, уже неоднократно, навряд ли сейчас прибавлю что-то новое. Потому и поймешь, надеюсь, что с намного большим удовольствием я провел бы эту зиму не здесь, в далекой Германии, а около тебя, рыбонька моя нежная...

Здесь шевалье Орли остановился, перечитал написанное, склонив голову на руки, задумался. Впрочем, не следует упускать время, теряя каждую светлую минуту, – иначе «дневное» письмо, чего доброго, перейдет в «вечернее»... Он продолжил:

Именно так, моя волшебная хозяйка! Именно так, а не иначе. Мне не стыдно в который уже раз сознаться перед тобой, что прожил я в этом мире свыше четырех десятилетий, так и не познав настоящей обоюдной любви. Я знал, что подобное чудо случается, ведь всегда имел перед глазами

пример достойных моих родителей, светлейшего гетмана Пилипа Орлика и благородной Ганны Орлик, урожденной Герциковны. Знал, видел – но лично для себя потерял всякую надежду на подобное счастье.

И все же даже зная, что так бывает, что настоящая любовь – это никакая не выдумка, встретить ее не мог. На моем жизненном пути случались разные женщины: старые и молодые, искренние и коварные, красивые и не очень, верные и легкомысленные. Я познал как горечь разбитого чувства, так и неожиданную верность данному много лет тому назад обещанию. Какой же мужчина способен хоть как-то понять вас, о прекрасные создания?!

Как вдруг встретил тебя, волшебная госпожа Олена! Тогда мое прошлое умерло навсегда, осталась ты и только ты – прекрасное мое будущее! Мир перевернулся в единый миг, осветился ярким фейерверком из мириад звезд! До того как мы поженились, была у меня одна заветная мечта: во что бы то ни стало добиться освобождения родной земли, многострадальной Украины и возвратиться домой – туда, туда, в сказочную землю, где я родился. Но со дня нашей свадьбы мечтаю также о другом: повезти в родную землю тебя, звездочка моя ясная, чтобы разделить радость от жизни в той сказке с тобою. Ведь одинокое, неразделенное наслаждение – зачем оно мне?!

Полететь бы нам в Украину двумя малыми ласточками, слепить бы гнездышко под крышей, реять бы над лугами зелеными и над садовками вишневыми...

А-а-а, так, так! Пока не забыл...

Сосредоточенно наморщив лоб и закусив нижнюю губу, шевалье Орли написал следующее:

Кстати, сообщу, пожалуйста, как там перезимовали вишневые деревья, высаженные в нашем парке? Ты же знаешь, они самые дорогие для меня среди всех других растений, ведь привезены из самой Украины. Однако неизвестно, почему вишневые деревья плохо приживаются в здешнем климате, нуждаются в особом уходе? К сожалению, лучше всего это выходило у Панька – если ты только помнишь еще старого. В то время как у Жака что-то получается не то, да и не так! Вот и волнуюсь, все ли обстоит благополучно с вишневыми деревьями? Жаль, очень жаль будет, если все ж таки пропадут они...

Шевалье Орли вновь остановился. Некрасиво как-то выходит: то признается в любви к супруге – а то вдруг о вишневых деревьях в садочке упоминает! Ну, хорошо, перепишет он письмо, непременно перепишет... Может, это следовало бы даже в постскрипtum вынести... А сейчас время заканчивать – пока еще светло.

И он приписал:

В который раз уж повторяю тебе, прекрасная моя Олена: жизнь моя разграничилась на жизнь до тебя и жизнь с тобою! Не утомлюсь повторять непрерывно, что рад был бы вообще никуда не уезжать из дворца нашего Орли, дни и ночи проводить вместе с тобой и благодарить Бога за счастье, посланное дипломату и воину на старости лет. Но ведь не могу! Не имею возможности, солнышко мое ясное, презреть святой долг перед его величеством королем Луи XV – а если бы пусть хотя б один раз презрел, ты бы, небось, и не полюбила такого неверного труса. Я же хочу быть достойным тебя во всех отношениях, дорогая моя Олена!

Вот так и пришлось провести эту зиму на берегу реки Майн, в далеком немецком городе Франкфурте. Ну, это ничего, голубушка, ничего: даст Бог, дождемся весны и лета, разобьем прусскую армию – тогда вернусь к тебе с победой! И снова заживем тихой мирной жизнью под небом Франции, надеясь на то, что когда-нибудь переселимся еще в Украину мою родную, в казацкий город Батурин, который возродится в былом величии, а не в нынешнем обнищании. Пускай же день этот настанет как можно скорее!

Ну, наверное, хватит на сегодня...

Шевалье Орли внимательно перечитал написанное, сделал несколько пометок на полях, потом взял чистый лист бумаги и аккуратно переписал письмо набело. Черновик сложил пополам, потом еще раз пополам, бросил в камин, закопал кочергой в кучу красно-розового жара. Когда черновик перегорел, помешал жар, вернулся за стол. Здесь сложил лист бумаги особым, только ему и Луизе-Елене известным способом, на лицевой стороне письма написал имя адресатки, накапал на тыльную сторону зеленого воска и запечатал собственным перстнем. Выглянул в коридор и позвал:

– Кароль, эй!

Подкручивая на ходу оселедец, коренастый казак примчался через полминуты и вытянулся посреди комнаты.

– Братец, отнеси-ка это в штаб. Отсылать срочно не следует – так, когда будет удобно...

– Для нее? – увидев на письме печать зеленого цвета, запорожец едва заметно улыбнулся. Ведь знал, что для запечатывания личных писем граф использует исключительно зеленый воск.

– Да, Каролик, для нее.

Казак кивнул, взял письмо и направился к двери. На пороге задержался, осмотрелся и молвил словно бы невзначай, просто к слову:

– Мне сейчас в штаб идти, так я хотел кое-что...

м-м-м...

– Что именно ты хочешь сообщить?

– Выходил сегодня за дровами поутру и сейчас, днем. Так скажу вот что: на дворе, кажется, потеплело...

– Конечно же! Ведь март настал, сам понимаешь.

– Потеплело. Снег еще не тает, но уже так... знаете, ваша светлость, – влагой взбух и на ноги так и налипает.

– Ну так вскоре таять начнет, а потом сойдет совсем.

– Так что же, повоюем?

– Разумеется, Кароль, разумеется. Зачем иначе было здесь, в далеком Франкфурте, зимовать?

– Ваша правда, наскучило уже!

– Не волнуйся – вскоре начнется.

– И «синие шведы» тоже будут воевать?

– Да, безусловно.

– А что же сотня наша запорожская?..

– Как же без вас, братец?! – довольно натурально изумился шевалье Орли.

Запорожец энергично тряхнул головой, от чего оселедец снова вылетел из-за уха, радостно воскликнул:

– Э-э-эх, повоюем!!!

И побежал в штаб, грохнув дверь.

А шевалье Орли поставил один из стульев как можно ближе к окну, примостился на нем, продышал в оконном стекле небольшую проталинку и стал смотреть на заснеженную улицу, медленно погружавшуюся в сумеречный мрак.

Неизвестно почему, но вдруг пожилой граф вспомнил небольшую красную розу, подаренную ему почти три десятилетия тому.

И понятное дело – милую девочку, поднесшую дар...

27 января 1730 г. от Р. Х., Париж

Париж, Париж!..

Отзывов об этом удивительном городе Григорий слышал ровно столько, скольких людей расспрашивал о столице Франции.

Но на самом деле все оказалось совершенно не так. Не то чтобы абсолютно во всем лучше или наоборот хуже...

Все было просто совсем не таким!

Конечно, Париж не похож ни на один город, где ему приходилось жить прежде. Даже если не принимать во внимание сказочно-волшебный Батурин, каким он время от времени снился Григорию, напоминавший сплошной цветочный букет Бахчисарай и совсем уж захолустно-провинциальные Бендеры... Если учитывать только лишь готически-суровый величественный Стокгольм, тихий и спокойный Лунден, нарядные немецкие Брунsvик, Гамбург, Ганновер, Дрезден, утонченную, однако вместе с тем кое в чем легкомысленную польскую Варшаву и шумный Краков...

Так вот, Париж странным образом совмещал в себе черты, присущие этим городам. Суровая готичность и величие, тишина и покой, нарядность и утонченность, легкомыслие и шумливость – непонятно, почему и каким образом, однако здесь уживалось все и одновременно.

А еще – непередаваемо-аристократический шарм, невидимый флер...

Исчерпывающе-точного значения этих французских слов Григорий прежде не понимал. Окончательно же постиг... даже нет – инстинктом ощутил лишь здесь, в столице Франции. Эта новизна восприятия очаровывала, подхватывала его фантазию и вздымала высоко, аж в самое поднебесье!.. И неудивительно: ведь раньше, до приезда сюда ему казалось, что, имея за плечами двадцать семь лет, легкий характер и развитую интуицию, он познал этот мир от очевидного до самого таинственного. Как вдруг Париж пленил молодое сердце непередаваемо-преlestной смесью всего прекрасного, что только можно было вообразить.

И даже более того: смесью всего прекрасного с капелькой всего отвратительного – но, как ни странно, последнее отнюдь не портило общего впечатления. И вот этого Григорий никак не понимал...

Возможно, чтобы наконец-то найти ответ на столь мудреную загадку, он решил побродить просто так, без конкретной цели по кварталам, где жили не слишком зажиточные парижане, но, наблюдая за неприглядной жизнью бедных районов, он и здесь ощущал отголосок загадочной атмосферы изысканных салонов и гостиных.

Однако даже этим странная загадочность города не исчерпывалась!

Поскольку главное...

Да, главное – потрясающие люди, которых он встретил здесь, в непостижимом Вавилоне восемнадцатого столетия от Рождества Христова.

Начать хотя бы с удивительно удачного визита в Шамбер в резиденцию Станислава Лещинского. Григорий опасался, что, вопреки написанным на лоскутах шелка личным посланиям Великого примаса Речи Посполитой, брата коронного гетмана Теодора Понятовского, воеводы Киевского, князя Иосифа Потоцкого и маркиза Антуана-Феликса де Монти, Лещинский начнет упираться. Еще бы: соглашаться на свою реставрацию на польском троне – это одно, а одновременно соглашаться на восстановление в «мягком подбрюшьи» Речи Посполитой украинского гетманата во главе со светлейшим Пилипом Орликом... Даже точнее – «еди-

ного Украинского государства по эту и ту сторону Днепра»... – О-о-о, это уже совсем, совсем другое дело! Ведь череда освободительных казацких походов под предводительством победоносного Зиновия-Абданка Хмельницкого гремела каких-то восемь десятков лет тому назад.

Лещинский и в самом деле начал упираться, в полной мере продемонстрировав тщеславный характер, которому юноша не мог противопоставить ничего, кроме железной выдержки и настойчивости. Но, наверное, предложение таки оказалось весьма интересным, поскольку после трехчасовой беседы пан Станислав пусть и не слишком охотно, однако же согласился на предложенные условия: ему польский трон, Орлику-старшему – гетманскую булаву. И все это – под патронатом его зятя, французского короля Луи XV, плюс общая поддержка Швеции и Османской империи.

Окрыленный надеждой, Григорий после этого наведлся сначала к министру иностранных дел маркизу де Шовлену, а потом и к первому министру короля кардиналу Флери. Поговаривают, решение последнего было даже более важным, чем слово августейшего французского монарха, поскольку Луи XV якобы занимался политикой не слишком охотно, почти через силу. Как бы там ни было, но и де Шовлен, и Флери выказали очень большую заинтересованность относительно как украинских дел, так и персоны самого гетманыча. Григорий не знал, о чем извещали благородных министров письма, также написанные на шелковых лоскутах: он просто вытащил их в отеле из-под подкладки мундира и отнес адресатам. Но из сказанного во время аудиенций понял, что все трое (и Понятовский, и Потоцкий, и де Монти) уделили лично его персоне особое внимание. Еще бы: надеясь добиться новогодней аудиенции у первого министра, в кардинальский дворец набилась целая толпа, но Флери беседовал с Григорием тет-а-тет почти целый час.

Григорию все чаще припоминался оттопыренный вверх указательный палец и торжественный голос: «Запомните, молодой человек: когда-нибудь вы станете выдающимся дипломатом... Это говорю вам я – Карл XII, Божьей милостью король славной Швеции». Неужели же его тогдашний благодетель не ошибся?

Если бы нынешние успехи Григория ограничились даже этим, он и то был бы беспрдельно счастлив. Но так распорядилась милостивая судьба, что прямо с неба к нему в руки свалился еще один удивительный дар! Благодаря личной протекции маркиза де Шовлена 29 декабря он познакомился с величайшим, по мнению многих, философом и писателем современности – Мари Франсуа Аруэ, более известным миру как Жан-Франсуа Вольтер. «Познакомьтесь с ним обязательно!» – напутствовал Орлика-младшего маркиз. И оказался абсолютно прав: ведь обработка материалов для «Истории жизни Карла XII» шла полным ходом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.